

Я - женщина

Литературный альманах

Выпуск тринадцатый

Харьков
2020

УДК 821.161.1(477) - 1
ББК 84(4 Укр.=Рус)6-5)

Абрамова А. А.

Я — женщина. Выпуск тринадцатый: Литературный альманах. — Харьков: Мачулин, — 2020. — 64 с.

ISBN 978-966-2785-65-4

В литературный альманах вошли стихотворения, повести, литературные переводы членов и друзей Международного женского клуба духовного общения “Лада”. Тексты издаются в авторской редакции.

УДК 821.161.1(477) - 1
ББК 84(4 Укр.=Рус)6-5)

ISBN 978-966-2785-65-4

© Абрамова А.А., составитель, 2020

Анна Абрамова

*Президент Международного женского
клуба духовного общения «Лада»*

Двенадцать лет на базе Центральной городской библиотеки им.В.Г.Белинского успешно работает Международный женский клуб духовного общения «Лада», который собрал и объединил замечательных, удивительно талантливых женщин уже из 11 стран мира (Украина, Армения, Молдова, Россия, Белоруссия, Литва, Польша, Германия, Израиль, США, Китай).

За годы работы клуба в его ряды вступило много удивительных женщин, для которых любой уголок вверенного судьбою пространства превращается в творческую мастерскую, кого переполняют идеи и желание сделать этот мир лучше и светлее...

Членами клуба стали женщины разных возрастных групп, национальностей и профессий, но всех их объединяет активная жизненная позиция, внимание к людям и стремление им помочь.

Кроме активного сотрудничества со многими общественными объединениями, с женскими движениями и клубами, учреждениями культуры и образования, участия в совместных мероприятиях, встречах, конференциях, семинарах, члены Международного женского клуба духовного общения «Лада» уделяют огромное значение оказанию действенной помощи в раскрытии творческого потенциала современной женщины.

Международный женский клуб духовного общения «Лада» с 2014 года проводит творческий конкурс «Грани мастерства», который стал стартом для талантливых литераторов, музыкантов и художников. Интерес к творческому соревнованию стал решающим фактором

в организации и проведении конкурса современной украинской песенной поэзии «Я сердце отдаю любви...». Конкурс стал значимым не только для харьковчан, но и для одаренных авторов, которые живут и работают в разных городах Украины. Сегодня для многих поэтов писать слова к песням становится новым аспектом творчества, и эта деятельность открывает перед ними широкие перспективы, дарит интересные встречи, новые впечатления. Результатом этой работы стал новый выпуск литературно-художественного альманаха «Я – женщина...», который остается творческой мастерской, формирующей свой круг авторов – писателей, художников, музыкантов, переводчиков и журналистов. Наш альманах стал местом совместных музыкально-художественно-литературных инициатив. Авторы пытаются обратить внимание читающей и думающей публики на проблемы современной женщины, на ее внутренний мир, надежды и чаяния...

Тринадцатый выпуск литературно-художественного альманаха «Я – женщина...» расскажет о многолетней работе нашего клуба, подарит читателям встречу с интересными авторами, познакомит с победителями и участниками конкурса современной украинской песенной поэзии «Я сердце отдаю любви...»...

Мы приглашает к сотрудничеству всех талантливых, интересных женщин с активной жизненной позицией!

Ольга Беда

Родилась в г. Умань Черкасской области. Жила на Донбассе. Закончила Харьковский политехнический институт. Работала инженером, литературным редактором еженедельника «Ситон-инфо». Сейчас работает в ХАИ. Входит в литературное объединение «Третий цех», Лауреат «Литературной премии им. Бориса Гринченко» за вклад в развитие Украинской литературы.

Дуэт

*Стихи Ольги Беды
Музыка Николая Воротняка
Исполнение Николая Воротняка и
Татьяны Торгачёвой
Гитара – Николай Воротняк*

1.
Позволь нам, Боже, вместе помолиться,
Хоть нас не научили с детских лет.
Позволь двум душам, двум подбитым птицам,
Взлететь вдвоём над суетой сует.
Позволь любви, что родилась меж нами,
Над болью перебросить хрупкий мост.
Позволь в ночи обмениваться снами
Под тёплый блеск летящих с неба звёзд.

Припев:

Твоей улыбки лунный свет
Мне душу обнажил.
Найдя тебя, нашел ответ –
Зачем на свете жил.
Да разве жил? Существовал,
Влюблялся, не любя.
- Ты, может, жизни смысл искал?
- Нет, я искал Тебя!

2.
Позволь сиять от счастья нашим лицам,
И пусть других согреет этот свет.
Позволь двум одиноким душам слиться
В благодарящий Господа дуэт!

Любовь

*Стихи Ольги Беды
Музыка Николая Воротняка
Исполнение Николая Воротняка и
Татьяны Торгачёвой
Гитара - Николай Воротняк*

Любовь выпрашивать не стану,
С собою справиться смогу,
И навсегда стоять останусь
На дальнем-дальнем берегу.
И унесёт мои печали
Неторопливая волна.
Слова, что музыкой звучали,
Забыть скорее ты должна.
Забыть скорее я должна,
Как пчёлы к липе просто липли
На лету,
Как залил всё медовый дух,
И день потух,
Как душный вечер нас доверчиво
Укрыл,
Как тишину сверчок спугнул
И сон украл.
Мелькали блики между сном и потолком,
Как облита была та липа
Бледно-лунным молоком,
Забыть скорее я должна...

Любовь выпрашивать не стану,
С собою справиться смогу,
И навсегда стоять останусь
На дальнем-дальнем берегу.
И унесёт мои печали
Неторопливая волна.
Слова, что музыкой звучали,
Забыть скорее ты должна.

Наше счастье

Слова Ольги Беды.
Музыка Николая Воротняка
Исполнение Николая Воротняка
и Татьяны Торгачёвой.
Гитара - Николай Воротняк
Флейта - Анатолий Свиридов

По росным тропам наше счастье бродит.
Оно свободно, словно облака,
И если кто-то вдруг его находит –
Не знает сам о том наверняка.
Вот так и ты – опять проходишь мимо
В погоне за сиянием мечты,
И в образе другом, тобой любимом,
Пытаешься найти его черты.

Припев:

Ой, как сердце к сердцу тянется
Сквозь невнятную печаль.
Для планеты расстояннице,
Для сердец – такая даль.

А счастье рядом. Добрыми глазами
Оно за каждым днём твоим следит...
Как, право, жаль, что мы не знаем сами,
В чьём образе оно к нам прилетит.

Припев: (3 раза)

Не спешишь...

Стихи Ольги Беды.
Музыка Николая Воротняка
Исполнение Николая Воротняка
и Татьяны Торгачёвой.
Гитара - Николай Воротняк
Флейта - Анатолий Свиридов

Не спешишь ты ко мне –
И опять наступила зима.
В снеговой кутерьме
Молча жмутся друг к другу дома,
Только окна-глаза
На меня с укоризной глядят.
Что теперь им сказать,
Как их пристальный выдержать взгляд?

Ведь сияла весна,
В окна солнце вливалось, смеясь,
И, надежды полна,
Ты ждала, никого не таясь.
Но швыряет зима
В твои окна охапками снег:
– Виновата сама –
Не ищи у природы утех!
Голубые мечты
Высоко в облаках не лови
И в союзницы ты
Понапрасну весну не зови.

Будет сыпаться снег,
До утра – оборвёт провода...
Не спешишь ты ко мне –
Вот и я не спешу никуда.

Припев:

Яркими звёздами листья кленовые
Тихо ложатся в траву.
Это не ново, но снова и снова я
Вижу тот сон наяву:
Над головой моей – море ли, небо ли –
Синяя бездна без дна.
Воспоминания – были ли, небыли,
Справишься с ними одна?

Не спешишь ты ко мне –
И опять наступила зима.
В снеговой кутерьме
Молча жмутся друг к другу дома,
...Будет сыпаться снег,
До утра – оборвёт провода...
Не спешишь ты ко мне –
Вот и я не спешу никуда.

Не спешишь ты ко мне...
Не спешишь ты ко мне...

Валентина Журавель

Родилась в Пермской области. Окончила Харьковский государственный институт культуры. Работает библиотекарем в Харьковской гимназии №14. Входит в Клуб Песенной Поэзии им. Ю. Визбора и литобъединение «Третий цех». Автор двух поэтических сборников: «Мир несовпаденья» (2004г.), «Калейдоскоп» (2006г.). Публиковалась в журналах: «Школьная библиотека» (г.Москва), «Шкільна бібліотека»(м.Київ), «Шкільний бібліотекар» (м. Харків).

Молодость

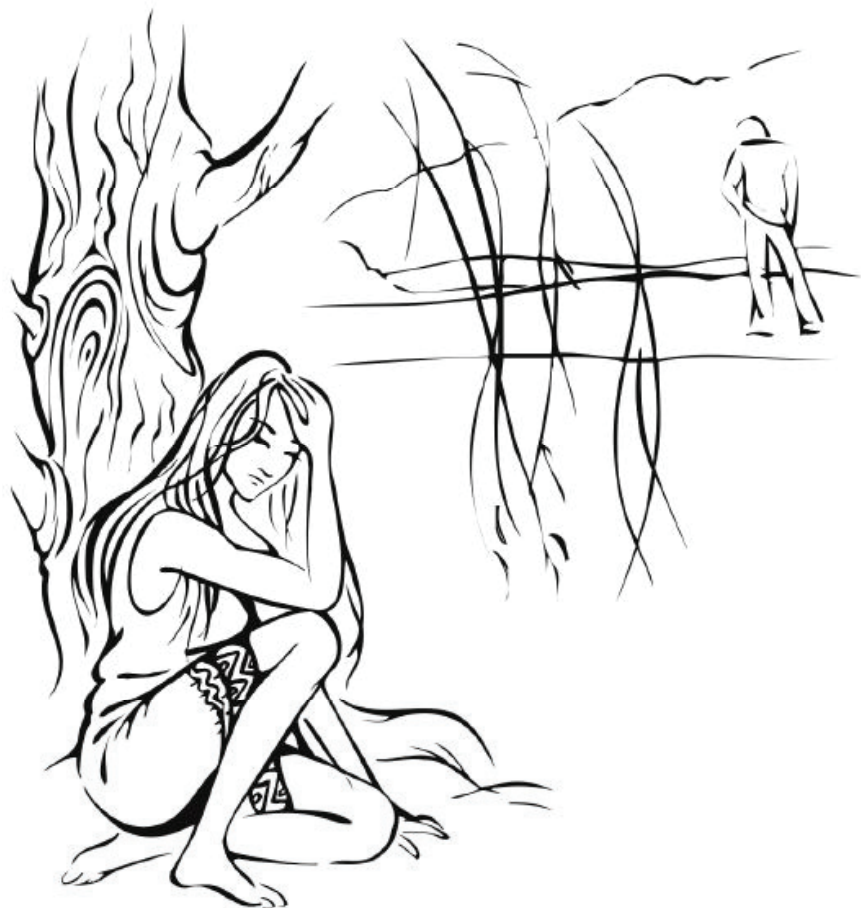
Садится солнышко
За куст ракитовый.
Последний луч упал
В водоворот.

Ты мою молодость
Не перечитывай.
Она из прошлого
К нам не придёт.

Простимся засветло.
Вдоль речки стелется
Туманом призрачным
Седая мгла...

Что навсегда ушла,
Еще не верится –
Такою светлою
Она была.

А моя молодость
Как бусы низана.
Ещё низала бы,
Да рвется нить.

Николай Манжос

Родился в посёлке городского типа Слатино Дергачёвского района Харьковской области. Окончил Харьковский политехнический институт. С 1979 работает тренером по лёгкой атлетике. Подготовил чемпиона паралимпийских игр по бегу. Член Харьковского Клуба Песенной Поэзии им.Ю.Визбора и литобъединения «Третий цех». Издал сборники стихов: «Вожди» (1997г.), «Не виновен только я» (1998г.), «Пятьдесят на пятьдесят» (2002г.), «Есть шанс» (2005г.), «В рифме жизни» (2011г.).

Владимиру Фоменко

Что ни песня, то – нетленка! И готов я отвечать:
– Вам с Володею Фоменко не получится скучать!

Бессонница

*Слова Николая Манжоса,
Музыка, вокал Владимира Фоменко*

Я привык по жизни плыть на волне
И пока не собираюсь в запас,
Только что же нынче так горько мне,
Будто мог кого спасти, да не спас.

Камень душу привалил, в сердце лёд
И без удержу болит голова,
Гололёд везде, везде гололёд...
Ускользают мысли, звуки, слова.

Там за дверью завывают ветра,
Словно кто-то настезь шлюзы открыл.
Видно, просто наступила пора –
Жизнь опять меня берёт на разрыв.

Чуть забрезжил лучик света в окне.
Не сомкнул я глаз, прости меня ночь.
Мне бы в самый раз забыться во сне,
Но тревоги унесли меня прочь.

Владимир Зачева

Живет и работает в Харькове. Член Харьковского Клуба Песенной Поэзии им.Ю.Визбора. Пишет авторские песни и песни на стихи известных поэтов.

Обнимаю, целую, скучаю...

Стихи Ирины Юрчук

Музыка Владимира Зачева

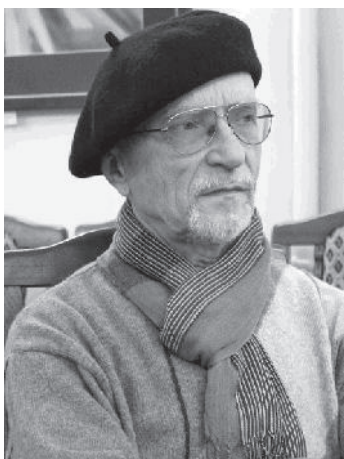
Существуют пути неземные.
Сквозь помехи разлук различаю
Заплутавшей любви позывные:
«Обнимаю целую, скучаю».

У реки над рассветной долиной
Соловьи новый день привечают.
В переливе звучит соловьином:
«Обнимаю, целую, скучаю».

Мне б доплыть по реке до излучин,
За которыми ждут на причале.
Это музыка скрипа уключин:
«Обнимаю, целую, скучаю».
Только как ни наляжешь на вёсла,
Всё теченьем относит к началу.
Всё тусклей одинокие вёсны –
Обнимаю, целую, скучаю.

Вновь закатное алое солнце
В западне облаков и печали
Заклинанием этим спасётся:
«Обнимаю, целую, скучаю».
Что спокойны – лишь делаем вид мы.
Стук сердец обречённо-отчаян,
Подчинён триединому ритму –
Обнимаю, целую, скучаю.

Между нами дорог километры,
Тени прожитых лет за плечами,
Но доносят залётные ветры:
«Обнимаю, целую, скучаю».
Между нами полмира, но снова
В колыбели надежды качают
Три зовущих и ранящих слова:
«Обнимаю, целую, скучаю».

Владимир Фоменко

Родился в г.Балаклея, Харьковской области. Выпускник электро-машиностроительного факультета Харьковского политехнического института (1973 г.), женат, двое детей. С 2001 года – член Клуба Песенной Поэзии им. Ю.Визбора и литобъединения «Третий цех». Автор-исполнитель концертных программ: «Возвращение к романсу», «Грустная нежность песни...», «Под небом Парижа», «Где же мы виделись?», «Свет далёкой звезды», «Офицерский романс». Выпустил пять аудиодисков.

Обнимаю тебя...

*Музыка, вокал Владимира Фоменко
Стихи Ларисы Французовой*

Обнимаю тебя через тысячи вёрст,
Обнимаю тебя от земли и до звёзд.
И в пространствах небес и в просторах Земли
Для тебя распрострёт объятья мои.

Как от солнечных, ярких лучей облака,
Я тебя покрываю, как камни река,
Обнимаю сквозь бури, метели, туман
Через сушу и весь мировой океан.

В бесконечном плену расставаний и встреч,
Я тебя обнимаю от пят и до плеч.
И в родимом краю, и в пределах чужих
Вспоминай, вспоминай об объятьях моих.

Всем преградам назло рук сомкнувшихся щит
От невзгод и напастей тебя защитит.
Посреди неизбежности бед и разлук
Пусть тебя согревает тепло моих рук.

Обнимаю тебя через тысячи вёрст,
Обнимаю тебя от земли и до звёзд.
И в пространствах небес, и в просторах Земли
Для тебя распрострёт объятья мои.

Посреди неизбежности бед и разлук
Пусть тебя согревает тепло моих рук.

Елена Гутник

Живет и работает в Харькове. Талантливый автор-исполнитель, пишет стихи и музыку. Член Клуба Песенной Поэзии им.Ю.Визбора и литобъединения «Третий цех».

Будильник

*Музыка, вокал Елены Гутник
Стихи Олега Бондаря*

Стучит будильник сухо и размеренно –
Мой лучший друг и враг мой заводной:
Ему все сны заветные доверены,
А он звенит, – и нет тебя со мной...

Тот краткий миг, когда с тобой увидимся,
Судьба всегда испортить норовит:
То третий лишний в разговор наш вклинится,
То с трёх сторон толпа нас окружит.

Лишь взглядом торопливым обменяемся
И, сохранив незримой связи нить,
Мы на свои орбиты возвращаемся,
Чтоб снова вместе... друг без друга жить.

Летят секунды звёздной метелицей.
Я оглянусь, нарочно не скорбя,
Но время у меня теперь разделится
На миг с тобой и вечность без тебя...

Микола Воротняк

Відомий харківський актор, поет та автор-виконавець. Живе і працює в Харкові. Член Клубу Пісенної Поезії ім.Ю.Візбора та літературного об'єднання «Третій цех».

Біла лілея

Вірші і музика Миколи Воротняка

Ой, у лузі з небокраєм, збуджена розмовою,
на світанку Річка грає гілкою вербовою.
І питає у блакиті: “Що з россою сталося?
Чому трави соковиті досі не вмивалися?”

І над берегом лунає голос небокраю:
“Землю димом застилає, то й роси немає...
Вітер! Горе з ним! Дим той не розвіє.
Для людей той дим – спалені надії...”

Річка Білу ю Лілею колисає хвилею,
сумно грає течією з вербою похилою.
“Нащо, – думає про себе – ті часи недобрії?”
Пригортаючись до неба у степу на обрії.

Річка Вітрові шепоче з ранку і до ночі:
“Годі, Вітре, твоїм браттям роздувать багаття!
Краще ти розвій дим понад землею
там, де щвіт надій – Білая Лілея”.

Вітре! Ти розвій дим понад землею
там, де цвіт надій – Білая Лілея.

Сергей Дорофеев

Родился в г.Отрадном Куйбышевской области. Учился в средней школе №6. Закончил музыкальную школу по классу фортепиано. В 1985 году закончил Куйбышевский политехнический институт. Специальность – горный инженер. В 1987 переехал в Харьков, где и проживает в настоящее время. Женат, трое дочерей. В 2000 году в соавторстве с друзьями выпустил сборник стихов «Небесные качели». В 2005 году вышла в свет вторая книга – «Поэма о русских Ведах». С этого же года член харьковского Клуба Песенной Поэзии им.Ю.Визбора. Записал два диска: «Сон-трава», «Ну, вот и кончилась зима...». Входит в литобъединение «Третий цех».

Переправа

Стихи и музыка Сергея Дорофеева

Жадно кони воду пьют,
Поднимая муть.
Мы уходим по ручью
Пересохшему.
Опустели берега,
Лишь рябит вода слегка.
Слышен топот за версту,
Только мчится не табун –
Скачет конница.

Скоро снова переправа.
Справа – степи до Ростова.
Слева – Хортица.

Из каких дошло веков
Да и было ли,
Что одни, без седоков,
Кони бегали.
Незаметно степь на луг
Поменяется, но вдруг
Колыхнутся стебли трав.
Сколько разных переправ
Было пройдено.

Только все они не в счёт,
Где-то здесь ещё течёт
Река Смородина.

За затерянной рекой,
Что покрыта льдом,
Снег искрился голубой
Перед рождеством.
В белом инее деревья.

С каждым днём мне всё сильнее
Сквозь немую пустоту
В эту детскую мечту
Вернуться хочется.

Скоро снова переправа.
Справа – степи до Ростова.
Слева – Хортица.

Я отпускаю время

Стихи и музыка Сергея Дорофеева

Раскрылся откровеньем
Весь мир в моем окне.
Я отпускаю время,
Отпущенное мне.
Не измеряю точно,
Прикинув «на глазок»
Размер кругов порочных
И тяжесть давних строк.

За ограждением лоджий
Привычный шум листвы,
И звонкий гомон тот же,
Все той же детворы.
Обычные явления
В укладе городском.
Я отпускаю время
Не думая о нём.

И так вот, постоянно,
Привычно, день за днём.
И так всё это странно,
Что не понять умом.
И так, как будто бремя,
Пришедшее извне,
Я отпускаю время,
Отпущенное мне.

Валерий Степанов

Родился в Харькове, окончил Харьковский институт радиоэлектроники ХИРЭ (1960). Член Клуба Песенной Поэзии им. Ю. Визбора (2000). Активный участник художественного совета Клуба, организатор творческих начинаний Клуба. Публиковался в периодических изданиях. Авторские песни Валерия представлены на сайте Клуба и в социальных сетях.

ЯСЕНЬ И РЯБИНА

*Музыка, стихи,
исполнение Валерий Степанов;
аранжировка Владимир Зачепа.*

Ясень у Рябины спрашивал всерьёз:
– Ну, скажи Рябина отчего так вышло,
Отчего ты в роще липовой растёшь?
Ты же ведь не липа, а, скорее, вишня?

У тебя ведь также ягоды красны,
Кормишь снегирей в зимние морозы.
Ты стоишь невестой посреди весны,
Белыми цветами украшаешь косы.

Я в тебя, Рябина, так давно влюблён,
Нам стоять бы вместе – был бы мир прекрасен!
Я, – оно конечно, – не красавец Клён,
Простоватый Ясень... старый, добрый Ясень.

А в ответ Рябина шелестит листвой:
– Ты же знаешь, милый, в жизни всё не просто,
Соловьём залейся, или волком вой,
Всё равно не слышат нас на небе звёзды...

Ну, а мы с тобою – хорошие друзья,
О любви – ни слова, о любви ни – звука,
Любоваться можно, целовать нельзя,
Ясно тебе, Ясень, ну, не будь же буком.

Так уж получилось и случилось так:
Мы с тобой не рядом, и не быть нам вместе.
А любовь, наверно, – вовсе не пустяк, –
От неё родятся и стихи, и песни.

Не права, Рябина, ох, как не права,
И о том, что было, разнесу я вести:
Как то их срубили, просто на дрова,
Ясень и Рябина запыхали вместе...

Ольга Андрус

Харьковчанка, по специальности программист. Любит жизнь. Публиковалась в журналах «45-я параллель», «ЛАВА», «Склянка часу», в альманасі «Южное солнце-3.С живой душой в одежде камня». Член Международного женского клуба духовного общения «Лада» с 2010 г.

Назвавши имя

Лунный земной человек,
странный смешной имярек
страсти терзают тебя,
или быть может меня?
Беды, невзгоды, тоска –
жизнь с тобой часто резка,
дети, работа, семья,
изредка трель соловья.
Небо? душа? высший мир?
Хлопоты – здешний кумир.
Кто же ты, кто, имярек?
Мне бы не знать да вовек,
мне б не понять кто ты есть,
вымолви скорбную весть,
слова вонзи остриё,
выкрикни имя моё.
Лунная сущность моя,
душу мою не сломай.

Город уснувший, похожий на улей,
тускло горят фонари,
дрема крадется дорожками улиц
тихих до самой зари.

Ветер насвистывал ласково сонно,
словно качал колыбель.
На небосводе безмерном, бездонном
и?скристых звезд канитель.

Грез бормотание, шепотов омут.
Лунному эху след в след
мягко ступает по небу ночному
нежно-лиловый рассвет.

14 Я — женщина

Какие тайны известны жрицам,
где бродит ветер, покинув степи,
что знает небо и снится птицам,
как вместо крыльев взяла я цепи?

Зачем? насколько? сама решила?
чем это было? расплатой поздней?
гадать нет смысла, хватило б силы,
но в каждом сне улетаю к звездам.

Я стану ветром, дождем и светом,
лучом, летящим в иные дали,
призывным криком, немим ответом,
забуду боль и века печали.

Я – художник простой, скажем прямо,
я не гений и не подмастерье,
зван в работу по росписи храма,
храм для культовых древних мистерий,
потолок расписать заказали.
Нет на свете ужаснее муки
как лежать неподвижно часами:
затекает спина, ноют руки,
на лицо каплет краска и масло,
ненавижу такие моменты,
да еще, словно этого мало,
всё роняю на пол инструменты.
Я пишу небеса, агнецв, кущи,
часто кашляю, пульс учащённый.
Кто умеет, пусть делает лучше.
Я – ремесленник, не посвящённый.

Какая краткая у осени краса.
Листва, пожаром полыхнув, исчезнет, сгинет,
прощально птичьи прокурлычат голоса,
промчатся в небе облака, как в мае, синем.

Рванется вслед осиротевшая душа,
и мы останемся растерянные сами
дождя печалью и туманами дышать.
Миг ярко-рыжий расшуршитесь под ногами.

Янтарно-солнечные блики-кружева
и запах пряный опьяняют оголтело.
Вот здесь закончатся и слезы, и слова...
До нашей грусти, впрочем, осени нет дела.

Всё в нашем мире любовь.
Правда, поймет не любой.
Мимо пройти может каждый,
если не встретит однажды
вечером, ночью ли днем
то, что покажется сном.
Будет мгновение разным.
Зов манит, ранит и дразнит.
Ждут волшебство и полет,
брось повседневности гнет.
Небо вдруг станет синее,
ты хоть чуть-чуть, но добрее.
Жизнь — заготовка, сырьё,
Всякий здесь любит своё:
деньги, утехи ли, славу,
мир опошляя помалу.
Как же ты будешь неправ,
если любви не познав,
так и промчат твои годы.
Есть люди этой породы.
Но и такого тебя
кто-то отмолит любя,
тенью прильнув к изголовью...
Мир этот соткан любовью.

Каждый миг пыткой, вечностью кажется.
Ветер гонит дожди оголтело,
великаны дубы рвет, как саженцы,
с корнем, словно садовник умелый.

С треском молнии хлещут по улицам,
вихрь несется от дома до дома,
речка пенится, волны беснуются.
Стоны, крики, мольбы, грохот грома.

Сокрушительна мощь наводнения —
не сдержала стихии плотина...
За любовь, что короче мгновения,
я всей жизнью своей заплатила.

Сад полон птичьего щебета,
в озере тает звезда.
Так обнимать жадно-трепетно,
кто научил и когда?

Солнце в окно брызжет струями.
Кто же тебя научил
так осыпать поцелуями,
щедро, как сотня мужчин?

Нежности шелком окутывать,
в ласках встречая зарю,
кто научил так беспутного?..
Искренне благодарю.

Кармен-сюита

В скалах прибрежных дробится, играет,
жарким, искристым, рассыпчатым смехом
стонет, взлетает, поет, замирает,
тает любви золотистое эхо.

Алое золото огненным смерчем,
жадно обнявшихся в небе надменном
туч, облаков, опрокинуло вечер.
Склоны горы отливают эбеном.

Солнце вонзается пурпуром в море,
волны багряной взвиваются пеной.
Красно-лиловый закат в пассифлоре —
страсти цветке — захлебнулся изменой.

Валерия Белоус

Родилась в Харькове. Кандидат физ.-мат. наук. Автор и дизайнер нескольких сайтов, поэтических сборников «На мосту меж двух тысячелетий», «Гранулы», «Птичий клич», юмористического сборника «Перламудровые пуговицы». Член Межрегионального союза писателей Украины. Лауреат литературной премии М. Матусовского. Член Харьковского клуба песенной поэзии им. Ю. Визбора. Член Международного женского клуба духовного общения «Лада» с 2013 г.

Осеннее воскресенье

Сквозь игольно-колкое марево,
Что от стынувших всходит полей,
Проступает багровое зарево
Провозвествьем заснеженных дней.
Лай собаки и стрекот сороки
В этот замерший утренний миг
Так таинственны, так глубоки —
Провозвествье таится и в них.
Нежно-сиз и странно недвижим,
Дым застыл вертикалью над домом...
Мне ж вводящего в зиму затишья
Поступь вкрадчивая так знакома!
Как плотну обжигающий воздух -
Так почудится сразу же смех
Ребятишек, что ночью морозной
Наигравшись, кидаются в снег,
Чтобы в куртках, промокших до нитки,
Распластавшись в снегу, замереть
И на звёздное небо в избытке
Юной радости молча смотреть.

Накануне зимы

Всё с собою сон унёс,
Кроме жгучих, едких слёз...
От неведомой беды
На щеках горят следы.
От приснившихся обид
Наяву душа болит!

Поздней осени тепло
Долго длилось — вмиг ушло.
Утром крыши белит иней,
Сипло дышит сумрак синий.

Птица стукнулась крылом
Об оконное стекло,
Словно просится погреться,
Словно некуда ей деться:
Студит сердце зимний мрак.
«Как тревожен этот знак!» —
Смутно думается мне...
До зимы — тринадцать дней.

В этот вечер морозный прозрачен закат,
Снег так звонко скрипит под ногами,
А глаза, как полозья, легко так скользят
Меж ветвей за косыми лучами
Заходящего солнца. И кажется мне —
Так легко дальше жизнь будет длиться!
И друг друга сменяющих дивных коней
Снежно-белых, и красных, и чёрных мастей
Бесконечно долга вереница...

29 февраля

Самый длинный февраль
Високосного этого года
Предстаёт апогеем
Владычества жёсткой зимы,
В белоснежную шаль
Зябко кутает плечи природа,
И носы шарфом греем,
Мчась по уличным наледям, мы.

А поля всё лежат,
Запелёнаты снега пластами,
Колыбельной метели
Им навеяны крепкие сны.
Снегопады кружат,

Дерева вдоль дорог заметают...
И тоска: неужели
Ещё долго не будет весны?

В ожиданье тепла
Ищем жадно любые приметы
Прибывания дня,
Пробужденья уснувшей земли.
И весна всё ж смогла
Совершить чудо малое это:
Раным-рано поднять,
Чтоб синицы утешить смогли.

За окном чуть светло,
Не взошло ещё ясное солнце,
Холод и тишина
Будут, кажется, править весь день...
И, однако, пришло
Ощущенье, что кто-то смеётся:
То синица слышна,
Издающая звонкое «Тень!».

Значит, завтра весна,
Настоящее первое марта:
Будет с крыши капель,
Будут реки из талой воды.
Эти новости нам,
С неустанным весенним азартом,
Всё несёт птичья трель.
Как прекрасны синичьи труды!

Утро – ты самое прекрасное время суток.
(Так и хотелось сказать «дня»,
но это было бы несколько смешно,
чего не терпит
дотошная половина моей природы.)
Утром, пока тела ещё не покинули
границ блаженного царства лени,
мысль уже предвкушает
блаженство деянья, которому суждено
если не изменить в корне
весь подлунный мир,
то хотя бы сделать
именно этот наступающий день
долго живущим в памяти.

Утро – ты самое прекрасное время года.
Потому что утром
лето дышит прохладой,
осень – мурлыкающими дождями,

зима же сулит снегопад,
который всё
чистотою своей побеждает.
А весне и не нужно
ничего обещать нам:
так за окном заливаются синицы,
что нельзя не поверить в прекрасное
одеяние мира
из облаков, журчащих ручьёв
и уже раскрывшихся почек.
Какое бы ни было
на дворе время гола,
в часы утра оно повёрнуто к нам
своим самым соблазнительным боком.

Утро – ты самое прекрасное время жизни.
Потому что только поутру
Мы опять ощущаем, что детство
не покинуло нас:
оно там, в глубинах души,
как проказливый малый козлёнок
бодает нас рожками-крошками.
Это не больно совсем,
а щекотно и весело.
И чего ты стоишь тогда,
весь наш долгий ехидный опыт,
всё гундящий своё «Берегись!»?
Мы по-прежнему утром по-детски
Бесстрашны, доверчивы и наполнены любовью.
Между нами и миром
сняты все расстоянья.

Дум снежный ком вдруг навалился:
Тот, кто по счастью родился
Под знаком северных широт,
Как часто он не сознаёт –
Ведь тем зима и дорога,
Что пеленает нас в снега.
И пелена прекрасна та:
Всё побеждает чистота.

Как часто и не помышляем мы,
Сроднившись с этой чистотой,
Что нам чудесный дар зимы
Отпущен просто ни за что.
Ниспосланы нам холода,
Чтоб стала в нас душа тверда,
Как в ледниках алмазный лёд,
К твердыне грязь не пристаёт!

Лариса Французова

Родилась в Коктебеле (Крым). Член Союза писателей России, обладательница Гран-При Первого поэтического конкурса «Декабрьская сказка Марины Цветаевой» в Феодосии. Победитель творческого конкурса «Грани мастерства» (первое место в номинации «Поэзия») 2014г. Член Международного женского клуба духовного общения «Лада» с 2012г.

Ночь. Такси...

Ночь. Такси. Огни вокруг.
«Банк». «Аптека». «Супермаркет».
В небе – медный полукруг.
Полумрак. Тревожно. Жарко.

Горячо. Почти ожог:
На щеке – твоё дыханье.
Дрожь томления вдоль ног.
Мимо – фары, скверы, зданья...

Окна. Площади. Мосты.
Нитью связаны дорожной.
У меня в руках – цветы.
У тебя в руках – возможность.

Кто виновник? Не могу
Вспомнить острый миг сближенья.
Помню только мягкость губ
И тепло прикосновенья.

И дрожание ресниц.
И сомкнувшиеся веки.
И опять: мельканье лиц.
Банки. Улицы. Аптеки.

Тени

На левой ладони – линий
Сплетения неясны...
На звёздной небесной сини –
Осколок немой луны...

В ночном полумраке слышно,
Как тени ползут со стен,

И нет среди которых лишней,
Как в теле нет лишних вен.

Опять до утра – морока
Не спать и не грезить. Внутрь
Глядит золотое око
И я понимаю: утр

Не будет уже как прежде –
С сиянием глаз, ведь я,
Виною и страстью между,
Вне жизни и бытия.

Страсть смоем ль вину измены?
И эта и та остра!
С вопросом гляжу на стены,
На стенах – теней игра...

Не первой и не последней
Веду с тишиною спор,
А тени снуют, как сплетни,
Сплетая иной узор.

Уж скоро рассвет. К обедне
Звать станут колокола
.....
И первую, и последней
Картинка сия была.

Я Вас люблю и ненавижу...

Я Вас люблю и ненавижу!
Лишь белый цвет и чёрный цвет!
То Вы мне всех на свете ближе,
То отчуждённее Вас нет.

За Ваши – ангела – ресницы,
За Ваши – демона – зрачки,
Что с Вами я вольна как птица
И с Вами – пленница почти!

За то что я Вам всех дороже,
А мне без Вас уже не жить,
За то что вместе быть не можем
И порознь не умеем быть!

За эту мраморную шею,
За это римское чело!
Что по ночам не сплю уже я,
За холод Ваш и за тепло,

И за смиренность ожидания,
Когда я Вас с другой делю...
За откровенья и молчанье
Вас ненавижу и люблю!

О мужьях

Хороший муж – семьи венец...
Сколь часто недовольны мужем,
Определимся, наконец,
Какой же всё-таки нам нужен?

Хотите мужа-мудреца?
В придачу – скуку получите
И постулатам – до конца –
Его внимайте и... молчите.

Хотите жить с весельчаком
И шутником? Решайте сами!
Он будет – и не только днём –
Резвиться – и не только с вами...

Со строгим мужем – не пропасть,
Всё точно, верно, как в аптеке,
Но только – что такое страсть –
Вы позабудете навеки.

Таинственный? Удел знаком,
Его любовь интригу прочит,
Он появляется тайком
И так же исчезает, впрочем.

С «отличником» – подвоха нет,
Ошибку ж вам простят едва ли,
На ужин, завтрак и обед
Готовьтесь «есть» его морали.

Красивый муж – предел мечты?
Вам мало на экране драмы?
От этой, знайте, красоты,
В восторге и другие дамы.

Ревнивец будет обвинять
Всю жизнь до умопомрачения,
И вам придётся изменять,
Чтоб оправдать его сомненья.

Как из обилия всего
Своими нежными руками
Удачно выбрать одного,
Не заблудиться меж мужьями?

С кем просыпаться вам легко
И с кем делить приятно ужин...
Ходить не надо далеко:
Который с вами, тот и нужен!

Я дарю тебе август этот

*«Я буду любить тебя всё лето»,
– это звучит куда
убедительней, чем «всю жизнь»
и – главное – куда дольше!
Марина Цветаева*

Я дарю тебе август этот –
С жёлтым солнцем, белой луной,
Штиль в томлении предрассветном
И прибой в тишине ночной.
Горький привкус степной полыни,
Сладкий запах садовых роз,
В жаркий полдень арбузно-дынный
Безмятежность под сенью лоз.
В пробуждении – вновь объятья,
Поцелуи медовой сот,
Над морской изумрудной гладью –
Белой чайки своей полёт.
Все восторги и огорченья,
Что присущи подобным дням...
Но вот, только стихотворенья
Я тебе уже не воздам.
Потому – что уж всё воспето,
Потому – что упоена.
Я дарю тебе август этот.
Только август. Зато – до дна!

Галина Паикова

Живет и работает в Харькове. Член Харьковского Клуба Песенной Поэзии им.Ю.Визбора, посещает литературную студию «Третий цех».

Случайный эпизод
В короткой нашей жизни,
Случайный эпизод,
Моей судьбы каприз.
Как радужный мотив,
Рассеявшийся в призме,
Как сыгранная роль
Без вставок и реприз.

Как много значит он
И значит он так мало.
Один случайный взгляд,
Невозвратимый жест.
Я жизнь свою с утра
Опять начну сначала,
Но этот эпизод
Мне не забыть уже.

Сюжет отнюдь не нов,
Не надо объяснений.
Мы в этом мираже
Окажемся не раз.
Случайный эпизод —
Не повод для волнений,
Но что-то всё же он
Затрагивает в нас.

Так было сотни раз —
Нежданно повстречались
И так же разошлись —
Без ссор и без обид.
Пусть этот эпизод —
Обычная случайность,
Но, собственно, вся жизнь
Из них и состоит.

Время идет, забирая с собою
Наши мгновенья,
Время нас лечит бедой и борьбой —
Учит терпению.

Наши надежды — неверны и зыбки —
Тают с годами.
И превращаются наши улыбки
В зло и страданье.

Мы вспоминаем добро и веселье
Реже и реже.
Мы пожинаем то, что посеем,
Так же, как прежде.

Мы не считаем потери, ошибки,
Горечь сомнений
В нашей дороге к извечной вершине —
Пику стремлений.

Нас отравляют цинизм и неверье
В лучшее завтра.
Мы открываем последние двери —
Чаще внезапно...

Мы так слабы, что боимся порою
Собственной тени.
...Время летит и уносит с собою
Жизни мгновенья...

Не жгите за собой мосты...
А вдруг придётся возвращаться...
Мосты, как истины, — просты —
И им над пропастью качаться.

Не жгите за собой мосты...
А вдруг придётся оглянуться...
Не все исполнятся мечты,
И вам захочется вернуться.

Не жгите за собой мосты...
Они – связующая тропка,
Они – лучи из пустоты,
Вас призывающие робко.

Мы – как осенние листья –
Непостоянны и капризны...
Но в миг начала новой жизни
Не жгите за собой мосты...

Они, конечно же, сгорят.
Но как-нибудь, в минуту горя,
Вам вдруг захочется назад,
А сзади – пропасть
или море...

А ты всё ищешь крылья за спиной,
А я – не ангел, даже и не близко.
Я не хочу быть тайной неземной
И не могу быть нежной милой киской.

Но ты всё ищешь кротости во мне,
Покорности и вечного терпенья.
И вновь рукой проводишь по спине,
Нащупывая ангельские перья...

А я хочу свободы и огня,
В любую даль умчаться своевольно!
И невозможно удержать меня
В красивой клетке – тихой и спокойной.

Я райскою быть девой не хочу,
Предпочитаю жить земною былью.
И если я когда-нибудь взлечу –
Скорей на помеле, а не на крыльях!..

Пошутили – разошлись...
Шли по замкнутому кругу.
Друг от друга не спаслись,
Снова встретились друг другу.

В одиночку тяжело
И вдвоем не легче, право.
Обратив любовь во зло,
А страдания – в отраву.

Но опять – глаза в глаза,
Руки тянутся друг к другу.
Трудно что-нибудь сказать,
Если все опять по кругу.

От себя нам не уйти –
Круг замкнулся, словно двери.
То ль корить, то ли простить,
То ли плакать, то ли верить...

Когда уходит радость из души,
Печальное рождая настроенье.
Мы возвращаем в сумрачной тиши
Оставшиеся в памяти мгновенья.

Удачею наполненные дни,
Короткие минуты долгой встречи.
Вечерних улиц тёплые огни
В тот, голову вскруживший, летний вечер.

И всё затмивший звёздный хоровод,
И трогавшие душу откровенья,
И ожиданья торопливый ход,
И страстные минуты наслажденья...

И плачем мы в задумчивой тиши,
Жалея об утраченном, как дети,
Когда морозит сердце злобный ветер,
Когда уходит радость из души...

Бреду одна нехоженой тропой,
Ищу того, кого мне не хватает.
Мечтаю о возможности с тобой
Увидеться... Мечты, как слезы, тают.

Иду, не замечая суеты,
В воспоминаньях, как в реке, купаюсь.
Куда ни глянь – повсюду только ты.
От наважденья скрыться не пытаюсь.

А листья тихо падают в траву...
Снежинки заметают тротуары...
Я без тебя на свете не живу,
А существую... Половинкой пары.

Я знаю, что тебя мне не найти...
А мне другого, лучшего, не нужно.
Пересеклись и разошлись пути...
Дождинки слез поблескивают в лужах...

Богдана Тусак

Народилася в Лебедині Сумської області. Закінчила Сумський державний педагогічний інститут ім. А.С.Макаренка. Філолог. Працює в Маловистороському НВК. На сторінках преси з 1998 року. Видала поетичні збірки «Поетії душі моєї» (2012), «За маревом незвіданих доріг» (2016). Друкувалася в колективних збірках «Грані слова» (2014, 2015, 2017), «Слово» (2016), альманахах «Українська хвиля» (2016, 2017), «Харківський міст» (2016, 2017), «Лава» (2016). Дипломант фестивалю «Час Візбора – 2015» (м.Харків), III Всеукраїнського конкурсу ім. Леся Мартовича (2017) (м.Жовква).

Давно колись на березі ріки
цілунок твій, солодкий і п'янкий,
мав бути подарунком... В повній тиші
ти ніжно пригорнулась (і не більше),
скуйовдила грайливо білий чуб...
Під зорепадом почорнілий зруб
для мене став ковчегом, ти – святою.
Бентежні хвилі Сейму – і нас двоє..
В полоні стін, віконця і стропил
красу твою очима спрагло пив,
руками пестив коси (і не більше)...
та захмелів і був найщасливішим.

Шукаючи до істини ключі,
йдемо по лезу, часто затупілім,
і плями залишаємо на білім,
з ганьбою вкупі правду кленучи.
Таке життя: у сумнівах, борні...
Найтяжча – з лінню, страхом і собою,
аби в рішучу мить не дати збою,
не схибити і бути на коні.
У божий день замало нам свічі,
аби таки розгледіти Людину,
яка підступно не штовхне у спину,
шепнувши застережливо: – Мовчи...
Аби... Аби... нам не забракло сил
і мужності (що б інші не казали)
свій дім не дати й землю на поталу,
як чинять це безридні підлі пси...

На підвіконні груші... Сито-п'яно
нахабним осам. П'ють. Їм все одно,
чи завтра день для них новий настане,
чи назавжди інстинктом давнім гнаним
зачиниться з кватиркою вікно.

Анітельень. У патоці залипли
ув'язнені солодкої тюрми.
Ворушать обважнілими крильми
у грі химерній темряви і світла
приречені щасливиці... А ми?

Куди мчимо? Щоденно і щоночі
шукаємо для втіхи еліксир...
Та часто дармовий засохлий сир
у пастці навісній мозолить очі.
А мозок свердлить: чи війна, чи мир?

Наступний крок у прірву чи в безодню?
Ми люди чи усе-таки людя?
Не личить аж ніяк, мов оси ці
впиватися тоді, як є голодні,
і витрачати час на манівці.

Аби каміння вміло говорити...
Аби ми дослухатися могли,
повідали б нам старовинні плити
про голодранців, ситих сибаритів,
коханців слави й пасинків хули.

Прогуготіли б східці та колони
про лідерів, заручників доби,
і гнівне: «Ми – не бидло, не раби!»,
«За рівність і братерство!»,
«Геть корони!» – із надр осатанілої юрби.

Ще додала б покоцана бруківка
(заручниця ремонтів, автотрощ)
про войовничий дух майданів-площ,
багрянний дим в заграві вибухівки,
як поливав її свинцевий дощ.

Розмови ці закінчаться не скоро...
Аби комусь зірвати добрий куш,
«в расход» ішли і люди, і собори...
В добу страшну «Содому і Гомори»
уберегти б собори наших душ.

Креше кригу лютий люто –
мерзлі скалки з-під підків.
Терпне поле в білих путах.
Сплять бурульки. Ач які,
від відлиги відхрестились!
Виє вітер нависний.
То чому ж, скажіть на милість,
чути пахощі весни?
Ледь вловимі ніжні нотки
струменіють поміж віть...
Гульк – із хмар на мить коротку
із блаватами блакить!
Рве волосся сиве лютий:
не знести весни розкриль!
Ой, небавом – серцем чути –
скресне крига... Гиля-гиль!

У травні – біла сукня і фата.
– Красуня! – схвальні вигуки навколо.
– Ех, до вінця б... Гай-гай, літа, літа...
– А ніби нещодавно боса й гола!

Весільну пісню басом джміль гуде,
шепоче щось на вушко, мов коханці.
А їй би зашарітиса, так де
смаглявочці позичити рум'янці?

В сережках, пишнім строї – все при ній.
Вуста – нектар солодкий, і – флюїди.
– П'янка ж яка, пахуча, світе мій! –
спиняється, чи хто іде, чи їде.

В омріянім – «без горя і без бід».
Натомість, мов шуліки, – вітер, злива.
На зірваний злинялий вельон-цвіт
акація так дивиться журливо.

Сухенька бабця (самотужки може
відкрити очі; вітерцем війни –
впаде одразу) шамотить: – О Боже,
не дай нам більше голоду й війни...

Їй невтямки, що у старій господі
ніде нема вцілілого вікна.
Між буряків, картоплі на городі
рядки осколків сіє зла війна.

Дочка змарніла подає водичку,
розтовчує сухарик: – На, ковтни!
Усе до крихти (із дитинства звичка)
до рота, як давно у дні війни.

І дивиться пригаслими очима
(по-своєму сприймає світ вона).
Глуха, не чує – поряд за дверима
на танку їде знов у бій війна.

Буває, плаче: стільки пережито
і вистраждано, Боже борони!
За муки ці її жадані діти,
онуки мають жити без війни.

Вони ж в земному пеклі замість раю
караються і гинуть без вини.
Бог милосердний, бо стара не знає,
що дожила до другої війни.

Як на посту, на людному пероні...
Горить вогнем поранене плече.
Відправка – прибуття... Потік сторонніх...
«Немає...» – думка знов пече, пече,
немов кип'яч, розплавлене залізо.
Неголений і схудлий. То пусте.
Аби зустрітись!.. Он така ж валіза,
волосся неслухняне і густе...
Мерщій напереріз! Секунда – зникне!
Півоберт – не вона! Ну хто б сказав,
що буде нервувати! Тьмяні вікна,
самотні лави, згорблений вокзал –
усе занадто сіре, нецікаве.
І тільки зайчик сонячний, мов ртуть,
на колії. «Солдате, може, кави?
Я пригощаю! Прикрощі? Забудь...»
Розмову задушевну з незнайомцем
перепиняє стук важких коліс:
так-так, отут, Вітчизни оборонцю,
до тебе їде мила! Усміхнись!

Ірина Булахова

За професією – медпрацівник, має стаж близько тридцяти років. Вірші почала писати шість років тому. Спочатку російською мовою, а потім відчула просто фізичну потребу писати українською. Видала двомовну збірку «Висновки». Близько двох років входить до літературної студії «Літера». Має Грамоти з фестивалів: «Час Вибора-2017» (Харків), «Імені Леся Мартовича» (Жовква, 2017), Дипломом в номінації «Поетія», фестивалю «Білопілля-Вир», (2017).

* * *

Лілові сутінки. Он шибеник-ліхтар
нахабно підглядає крізь фіранку.
Сьогодні знову не засну до ранку.
Вже й облетів, мов липа, календар,
і рік новий чекає на порозі...
Химерні візерунки на підлозі,
мов срібняки, порозсипав ліхтар.

* * *

Світ безкінечний в усіх своїх проявах.
Нас накриває немов парасолею,
неба рілля чорна, зорями зорана.

Небо під зорями, небо над зорями,
й ми, мов піщинки в безмежжі
прозорому...
Світ безкінечний в усіх своїх проявах.

Вечірній Львів

Бруківкою виблискує привабливо,
осяяний гірляндами вогнів,
серед пільми гойдається корабликом,
пан гоноровий – вишуканий Львів.

Високий Замок, крутосхилі пагорби,
шпилі костелів линуць в небеса...
Вечірній Львів, пропахлий наскрізь кавою,
свої нам відкриває чудеса.

Милуюсь містом, походжаю павою,
(коли діжду нагоду ще таку?)
У Львові навіть зорі пахнуть кавою,
що меле ніч на древньому млинку.

* * *

То мокрий сніг, то крижані дощі,
лягли мені на душу смутком сивим.
У затишок сховатися б мерщій!
А ще учора був таким красивим

цей білосніжний, урочистий світ,
мов перше, ще несміливе кохання.
Сьогодні бачу лиш холодний лід
твоїх очей. Тож марні сподівання.

У хаті тихо. І найменший звук
не проникає в самотності картину.
В куточку сум ретельно, мов павук,
плете свою підступну павутину.

* * *

– Вітаю! Чув – ти щойно одружився.
І звісно, я бажаю вам добра.
Але, здається, в дурні ти пошився:
у неї ж діти, й трохи застара.

Ще б зрозумів, якби узяв багату,
або таку, що ноги аж від вух,
чи жіночку, що має власну хату...
Ти ж, подивлюсь, справжнісінький лопух!

– Я бачу, що тобі цікаве все це?
Незрозумілий вибір для чужих.
Цю жінку вибирав не я, а серце,
тому вона дорожча від усіх.

Найкраща в світі цілому, єдина,
для мене стала – ось у чому суть.
Вона та діти – це моя родина,
і татком дітлахи уже зовуть.

На неї глянув, як напивсь водиці!
Вночі та вдень – щасливі ми удвох.
Натхнення в ній черпаю, мов з криниці
і дякую, що поєднав нас Бог.

* * *

Лілове простираadlo чебрецю.
Світ розімлів в полуденній дрімоті.
Завмерло серце на високій ноті –
мене промінчик гладить по лицю.

Тоненька павутинка золота,
торкає ніжно стулені повіки...
Застигли й часу повноводі ріки,
щоб мить не загубилася ота!

Принишкла в соннім мареві земля.
Билинку жодну вітер не колише...
І цю лілову, нереальну тишу –
сполохав бас нахабного джмеля.

* * *

Напрочуд тепла й аномальна,
зима – так схожа на весну.
Земля, втомившись від чекання,
жадала спокою та сну.

І ось, здійснилось – диво, щастя!
Завихрилося навкруги...
На спраглу землю, мов причастя,
пречисті сипали сніги.

Дерева схожі на кульбабки,
а під ногами – килими!
Мережили пташині лапки
неткане прядиво зими.

І я, наважившись, ступала,
а трохи згодом, поряд – ти.
Зима, чаклюючи, сплітала
в єдину долю два сліди.

Німа

Ти зупинився, щось сказав мені
і, усміхнувшись, простягаєш руку.
Стою навпроти, наче уві сні,
мовчать уста, не вимовлять ні звуку.

Щодня навколо тиша нежива.
Набридло бути з нею наодинці.
Лиш на папері «говорю» слова.
Такі від долі маю я «гостинці».

Так хочу, щоб душею зрозумів –
що промовляють очі ці медові...
У них заглянеш – і не треба слів, –
там невичерпне джерело любові.

Та попри все – надіюсь (крадькома) –
в тобі кохання пташкою озветься.
Співаю, хоч і голосу нема,
бо вірю: пісню цю почуєш серцем.

* * *

Капельюшка зірвав з голови вітерець пустотливо.
Покотив навпростець на зелені, густі шпориші.
Я – за ним навздогін, щоб його повернути квапливо,
а нахаба і далі втікає – спіши, не спіши.

Вже й не смішно мені: натомили чудні перегони!
Ще шкідливець, гляди, віднесе за ліси, за яри
капельюшка мого. Так і хочеться крикнути: Годі!
Раптом вітер спинився. Зітхає: Ну добре, бери.

* * *

Я хотіла б ділити з тобою світанки,
і буденні події, і радісні миті.
Щоб цілунком у вушко щоранку будити,
всі нехитрі вгадавши твої забаганки:

у горнятку полив`янім звабно-духмяна
чорна кава без цукру, кориці ще дрібка...
Чути радість, що б`ється в мені, ніби рибка,
серця стукіт гучний, бо ти поруч, коханий!

Разом слухали б ніч під старою вербою
та вдивлялися в небо, шукаючи зорі.
І кружляли в безкраїм небеснім просторі –
то нічого, що подумки, тільки б з тобою!

Запитаєш: – Не змерзла? Обіймеш міцніше,
притуливши до серденька порухом звичним...
А насправді: тебе за сюжетом класичним –
поцілує, добраніч бажаючи, – інша!

Лариса Медуха

Родилась в Курской области в 1961 году, закончила Курский Политехнический Институт. В Харькове с 1990 года. Инженер, хореограф, астролог. Стихи пишу с 10 лет. Впервые напечаталась в 2014 году в литературно-художественном альманахе «Русское поле» от литературной студии «Нива», членом которой являюсь с 2012 года. Член Международного женского клуба духовного общения «Лада» с 2014г.

Цена свободы

Жизнь! Кому ещё можно о ней рассказать
Правду? Я жила как бегущая к солнцу лоза —
Песней! Мне тебя бы ни видеть,

ни помнить, ни знать,

Только, никогда не смогу я тебя наказать
Болью! — Чем тогда мне дышать,
Если будет убита душа?

В пути

Чего добила? — Краткий полный вдох!
Чего желала? — Вечного пареня!..
Да! За твоей спиной чужие тени,
Но жизнь ещё не подвела итог
Есть время уничтожить и создать!
Есть сила — и отвергнуть, и поверить,
И есть звезда, та — главная звезда,
Которая укажет путь и двери,
Где вдохом будет неба синева,
А за твоей спиной — только крылья!..
И жив во мне ты, я в тебе жива,
И светел дом, что ангелы хранили!

Живая реальность

Пробежала до края край:
Океан поманил в безбрежность...
Если можешь отдать — отдай
И сомненья, и боль, и нежность! —
Я приму! Я поставлю чай,
Пусть за окнами вой и скрежет,

Здесь, меж нами — вселенский рай,
Воплощённая неизбежность:
Всем препятствиям вопреки —
Вместе, рядом и вновь близки!

Восхождение к истоку

Этот сложный пресложный мир,
Этот дар — восходить и верить!
Бесконечен живой эфир:
За дверьми будут снова двери,
За искрящейся синевой
Ты опять припадёшь к истоку.
Будет встреча тебя с собой,
Только там ты не будь жестоким!
Ты пойми себя и прими,
И с любовью весь мир обними!

Леонтина Красношанка

Народилася в м.Красний Кут Саратовської області (РФ) в родині українців. Освіта - Харківський національний університет ім.В.Каразіна. Філолог, викладач німецької мови та літератури. Член Харківського Клубу Пісенної Поезії ім.Ю.Візбора, клубу "Апостроф", Міжнародного жіночого клубу духовного спілкування "Лада", Клубу "Свіча" (м.Чугуїв). Лауреат багатьох конкурсів. Має п'ять збірок віршів та перекладів. Перекладає з німецької, української та російської.

Эдельвейс

*"Не знаю, о чём я тоскую,
Покою в душе моей нет,
Забуть ни на миг не могу я
Преданье далёких лет."
"Лорелея" Г.Гейне
в переводе С.Маршака*

Горы в горе к Небу воззвали:
"Утопает Земля в цветах,
А у нас - только снег да скалы!"
Спohватились в Олимпа верхах,
Срочно Звёзды с Небес послали:
Превратились они в цветы,
Белоснежностью засияли,
Озаряя весь мир с высоты.
Эдельвейс! "Благородно белый"
В переводе имя твоё,
Увидать тебя может смелый,
Слабый духом к тебе не дойдёт...
Эдельвейсам нет равных на свете!
Восхищают отважных взор
Ослепительно нежные дети
Неба, Солнца, Селены и Гор.

* * *

Осінь справно сіє сирість.
Замість сонця й сині - сирість.
Сонні всі у соннім місті:
Сну й безсонню - час і місце...

* * *

Тьмяніють барви. Пізня осінь
Вже зустрічає ранню зиму.
З дощем хмарини вкрили просинь
Й погоди знов віщують зміну.

І смуток душу сповиває,
І віддаляє мить чудову...
Та раптом думка оживає,
Зрадівши знайденому слову.

Знов на папір лягають букви,
Шикуючись в слова й рядки:
Винагородою за муки
Складають вірші залюбки.

І вже квітує пізня осінь,
Що зустрічає ранню зиму.
Крізь дощові хмаринки просинь
Шле в душу радо світлу зміну.

Надежда Иванова

Детство и юность прошли на Урале. По образованию хореограф. Живёт в Украине более 45 лет. Входит в состав литературного объединения «Третий цех». Посещает литературную студию «Поэтический факультатив» и «Литера». Печаталась в альманахах «Лава», «Третий цех», «Нива». «Я – женщина...», «Харьковский мост».

Притихнет день

Притихнет день в объятиях вечерних.
Сгущаясь, тени поплывут во мрак.
И станет мир вокруг четырёхмерным,
скрывая в недрах ночи особняк.
Опомнятся и, со второго такта,
из ближней, тёмной рощи соловьи
исполнят форте «лунную сонату»,
чтоб радость и покой в мой дом внести.

Весенние гаммы

Утро мелким дождём
за оконным стеклом
барабанит мелодию вальса.

Мы с сестрёнкой вдвоём
вспомним вдруг о былом,
просыпаясь под музыку Брамса.

Гаммы в форточку к нам
и назло всем ветрам
залетают из сквера напротив.

Там сирени кусты,
ошалев от весны,
изумрудной волной колобродят.

Где в аллеях свой мир,
домик в стиле ампир -
храм чарующих муз воспеваает.

Обретая напор,
улетит на простор,
баритон, что забуду едва ли.

Звукам наперекор
кухни запах – мажор
может выманить нас из постели.

Там ватрушек гора,
ароматы даря,
золотисто - душисто поспела.

Стол накрыт на двоих.
За окном дождь притих
и ватрушка зажата в ладошках.

Мы пока что глупы,
две смешных егозы,
но уже мы красивы немножко.

Нам бабуся любовь
без каких либо слов
дарит щедро, в ответ улыбаясь.

И открыта для нас
в тот предутренний час
жизни сложной дорога большая.

Надежда Акимова

Надежда Акимова – писательница, поэтесса, журналист, педагог, экскурсовод, организатор и ведущая литературно-музыкальных вечеров и устных журналов «Серебряное слово», «Звезда Давида», «Золотая роза», «Лебедин и Харьков». На её стихи разными композиторами написано 140 песен. Выпустила 7 компакт-дисков своих стихов и песен. Имеет несколько образований: филологическое, богословское и психологическое высшие. Занимается краеведением. Член международного женского клуба духовного общения «Лада» с 2012 г.

Море

Море, как парус, живёт, и трепещет,
И надвигается блеском на нас.
Море как грёза, как сон, ставший вещим,
Отдохновенье измученных глаз.
Этот далёкий серебряный парус,
Без основанья, с ветрилом одним,
Вдруг опрокинулся, будто стеклярус,
Чтобы блеснуть разноцветьем своим.
Море дышало солёным дыханьем,
У горизонта светлело слегка,
Было для нас неразгаданной тайной,
Кутаясь в дымчатые облака.
Эта огромность простёрлась пред нами,
Ширь беспокойная, гребнем – волна,
Солнце барашки нежно ласкало,
Блики скользили до самого дна.
С силой могучей, с бескрайним простором
Мы ощущали себя наравне,
Были в стихии безбрежности моря
Мы с мирозданием наедине.

Твое лицо

Твоё лицо, чужое, как печаль,
Серьёзное, красивое, живое,
Светящееся сквозь ночную даль,
Я вижу вновь и вновь перед собою.
Оно со мной, и больше нет меня –
Я только там, где голос твой негромкий,
Там, где твои шаги, с собой маня,
Переставляют времени осколки.
Лицо в лучах звенящей тишины,
В таинственном мерцании заката,
Оно теперь ко мне приходит в сны,
Исчез покой, и больше нет возврата.

А ветер гонит ночь перед собой,
Нам намекая на тепло уюта,
И для меня теперь вся жизнь – любовь
И драгоценность – каждая минута.

Мой ангел

Мне руку ангел протянул,
Коснулся уст моих внезапно,
Со мною близких помянул
И улетел тотчас обратно.
И шелестящий холодок
По мне пронёсся, кровь волнуя.
Он дал мне воздуха глоток,
Благодаря ему живу я.

* * *

Спасибо, Господи, тебе,
Что ты меня оберегаешь,
Лелеешь, любишь, помогаешь,
Спасибо, Господи, тебе!
Пошли мне счастья и любви,
Не иссякаемых в пространстве,
Безумной страстью одари
И чувств нежнейших постоянством.
Не дай угаснуть двум сердцам,
Лишить мечты свои в забвенье,
Не дай покинуть Божий храм
Иль обминуть его в сомненьях.
Я усмиряла плоть свою,
Но дух остался непреклонным.
Мне был твердынею оплот
С великим именем Мадонны.

Виктория Михайлова

Родилась в г. Судак (Крым). Школу закончила в Харькове (гимназия №116). Получила музыкальное образование по классу фортепиано. Выпускница Харьковского национального экономического университета. Работает в авиации (многочисленные путешествия и знания о жизни в разных странах). Дипломант литературного конкурса «Человек, судьба, эпоха» в 2018 г. Член Международного женского клуба «Лада» с 2018 г.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

*Детство — когда все удивительно и ничто не вызывает удивления
Антуан де Ривароль*

Бабуля

Лиля распласталась на шиферной крыше сарая. Раскинула руки и ноги в разные стороны и стала похожа на четырехугольную звезду, если взглянуть с высоты птичьего полета.

Со временем крыша от влаги приобрела желто-зеленый оттенок и покрылась пупырчатым твердым наростом. Лежать на волнистой поверхности было неудобно, но Лилю это нисколько не смущало. Сейчас её больше заботили белые облака на высоком голубом небе. Казалось, там, в вышине, раскинулся целый зоопарк: вон слоновий хобот, а вот пасть крокодила, собачья голова и свиные рыльце. Кроличьи уши проплывали медленно и постепенно превращались в тощие ниточки.

— Лиля, а ну-ка иди сюда! — услышала девочка дедушкин голос.

Внизу, по левую «звездную» руку от Лили, находилась загородка из металлической сетки, в народе называемой «рабицей», за ней гуляли куры, а по правую — свинарник, обнесенный ракушечным камнем, — основным строительным материалом на Крымском полуострове. Широкий забор вплотную примыкал к невысокой постройке, с крыши которой Лиля только что разглядывала облака. Она спустилась с неё, пробежала по забору над хрюкающими свиньями и прыгнула возле неуверенно стоящего на ногах деда.

— Деда, чего тебе? — по очевидному запаху алкоголя, витавшему вокруг старого мужчины, стало понятно, что тот снова выпил, и выпил немало.

— Иди покорми бабушку, я все приготовил, — заплетающимся языком скомандовал дед. Для Лили было загадкой, как, будучи пьяным, можно что-то «соорудить» поесть, не говоря уже о том, чтобы сварить борщ или нажарить оладушек, да еще с повидлом или колбасой внутри. Но деда как-то умудрялся.

— Л-а-а-а-дно, — растягивая буквы в слове, произнесла внучка.

Лиля прошла по узкой дорожке мимо вполне приличного для села уличного туалета с высоким деревянным сиденьем. Выложен он был всё из того же «ракушечника» и выбелен известкой изнутри и снаружи. Всегда, когда она присаживалась на туалетный «пьедестал», чтобы справить нужду, ей казалось, что он может провалиться в зловонную яму, и представляла, как будет выбираться оттуда.

Эта постройка был «произведением» времен, когда деда работал прорабом на стройке и получал зарплату шифером, деревянными досками и ракушечным камнем. Теперь же он находился на пенсии и каждый месяц вместо положенных ему пенсионных денег был вынужден брать повидло,

томатную пасту, спички и другие сомнительные товары, поскольку денег в бюджете страны не было: «девяностые» на дворе, Перестройка, бандитские времена...

Худенькая, похожая на паучка из-за своих длинных ног и рук Лиля миновала огород, на котором усердно трудился брат.

— Мить, что делаешь? – приостановившись, и наблюдая за каждым движением брата, спросила она. — Тот сразу оживился. — Да вот, надо капусту прополоть от этой дурацкой травы. А ты куда?

— Сейчас покормлю бабушку и приду к тебе, помогу. А потом пойдем гулять.

Девчушка быстро прошлёпала мимо клеток с кроликами, сарая с одинокой козой Леной и другим — «куриным» сараем. Миновала немецкую овчарку по кличке Мухтар. Целыми днями тот сидел на привязи и сейчас, высунув язык и тяжело дыша, разлегся в тени, падающей от единственного сливового дерева, куда доставала цепка. Летняя степная жара Крыма способна свести в могилу как собаку, так и человека. Лилия с отвращением сморщилась, глядя на то, как зеленые крупные мухи жужжали над разбросанными вокруг собачьими экскрементами. Дедушка снова не убрал за собакой.

— Б-а-а-а, б-а-а-а...баб, я пришла тебя кормить! – прокричала Лилия, как только зашла в дом.

С веранды дома улавливался запах борща, накашеваренного дедом. Лилия подошла к плите, где примостилась белая кастрюля с маками по бокам, открыла крышку, взяла большой металлический черпак и тарелку, — ароматная жидкость полилась в глубокую посудину. Борщ девочка отнесла в столовую, откуда был проход в бабушкину комнату; временно умостила горячую тарелку на стол, извлекла буханку хлеба из деревянной хлебницы и отрезала небольшой кусочек. Деда ежедневного привозил свежий хлеб из местной сельской пекарни.

Раздвинув плотные цветастые шторы, которые служили дверью между столовой и бабушкиной комнатой, Лилия тут же ощутила спертый запах мочи и лечебного мумие. Она взяла деревянную табуретку и зашла в комнату. На диване, обложенная со всех сторон подушками, «застыв» на месте в полусогнутом виде, сидела бабушка. Несколько лет назад ей был поставлен диагноз – болезнь Паркинсона. Все началось с дрожания рук, а затем постепенно начали отниматься ноги. Со временем бабуля перестала самостоятельно ходить и вовсе. Возможность выходить, а точнее, выезжать на улицу у неё появилась только тогда, когда дочка через «Красный крест» приобрела инвалидную коляску. В теплую погоду бабушку выкатывали на свежий воздух и оставляли под деревом. Для того, чтобы несчастная женщина могла ходить в туалет, в старом деревянном стуле деда Саша выпилил круглую дырку, под которую подставлялось ведро, и кто—то из взрослых, подхватив бабулю под мышки, перетаскивал её на такой «туалет», а затем обратно на диван.

Лилия осторожно, чтобы не задеть табуреткой перевязанные бинтами ноги бабушки, поставила перед ней стул. Под бинтами прятались трофические язвы, которые легко образовывались даже от незначительной царапины. Каждый день мама Лили и Мити, вернувшись с работы из районного центра, обрабатывала раны на ногах своей мамы — отсюда и запах мумие.

Лилия принесла тарелку с борщом и хлеб, отклонила согнутую болезнью бабушку к спинке дивана, уселась по левую сторону от неё и приступила к делу.

— Кусай! – внучка поднесла ломтик хлеба к бабушкиным губам. – Побольше кусай!

— Лилия, принеси мне кусочек колбаски, — попросила бабушка.

Вставать и идти за колбасой на веранду к холодильнику было лень, и Лилия соврала, что «варёнка» закончилась.

— Бери борщ, — внучка поднесла ко рту железную ложку. Та уперлась в старушечьи зубы. — Открывай рот, — торопила Лилия больную бабушку.

— У меня на губе волос, — пожаловалась та.

Лилия осторожно поставила тарелку на табурет и стала присматриваться, где же там этот злополучный волос, который затягивал весь процесс. Внучка, взглянув на застывшее глиняной маской лицо, невольно улыбнулась. Все дело было в бабушкиной причёске. С правой стороны головы – стрижка под «горшок», как у казаков, а с левой – короткая солдатская. Это был результат

«стараний» Лили и Мити, которые временами заходили к бабушке, то в качестве врачей, то как парикмахеры, а она не возражала, — ну кто её увидит в этой полутемной комнатке, кроме мужа, дочери да двух внуков.

Успешно справившись с кормлением, Лиля все убрала и покинула похожую на мумию бабушку.

Вернувшись к брату на огород спросила:

— Мить, долго тебе ещё?

— Полей капусту! — скомандовал он. — И пойдём.

Лиля набрала из шланга полную лейку воды, сняла с носика распылитель и стала подливать воду под каждый куст отдельно. На всё ушло минут пятнадцать.

Закончив с огородными делами, брат с сестрой отправились в гараж, где их ждал двухколёсный друг «Салют». Для большего удобства ребята выпилили из прочной толстой доски широкую съёмную раму, которая крепилась между сиденьем и рулём. И, вуаля — теперь это было сверхудобное средство передвижения для двух человек.

В гараже Лиля и Митя обнаружили спящего деда, растолкали его и сказали, что собираются выйти со двора погулять.

— Нарезьте кролям травы, — отозвался на легкие толчки внуков дед.

— Мы все расскажем маме, что ты опять пил! — наперебой заголосили ребята, на что дед Саша отреагировал мало разборчивым мычанием. В душе он знал, что честно выполняет возложенный на него долг: ухаживает за немощной женой, он ведь не бросил её, как сделал бы любой другой на его месте; следит, как может, за внуками, пока их мать старается заработать хоть какие-то «живые» деньги. Ну есть за дедушкой грешок — любит выпить. Ну так что — любой бы на его месте спился.

Лиля с Митей каждый вечер на велосипеде выезжают встречать маму, которая от трассы пешком идёт домой на окраину села, где её ждут родные люди.

Сегодня особенный день. Мама получила и обещала показать новые деньги — гривны, которые только начали входить в обиход. Они пришли на смену обесценившимся купонам-карбованцам. По этой причине ребята ни в коем случае не должны были «пропустить» маму, ведь каждый вечер в селе отключают электричество и нужно рассмотреть новые деньги засветло. Лиля и Митя выгнали своего «железного коня» из гаража, взяли большой мешок, два ножа и отправились за свежей травой, которую непросто отыскать в такую-то засуху. Они все успеют, до приезда мамы ещё целый час.

Укус

Много чего дедушка Саша пережил на своём веку.

В годы Второй Мировой, когда ему было всего шесть, он случайно наступил на ядовитую змею в лесу, — пресмыкающееся не заставило себя долго ждать и впилось ядовитым жалом в ступню обидчика. Произошло это как раз в тот день, когда немцы выгоняли всех жителей из родной Сашкиной деревни под Брянском и уводили в концентрационный лагерь. Нога быстро распухла и жутко болела, поэтому матери пришлось тащить сына на себе многие километры до лагеря. Благо, на дворе стояли летние месяцы, потому как спать приходилось на сырой земле. Ели «баланду». Выжить Сашке помогли лишь крепкое от природы здоровье да Господь Бог.

Прошли десятки лет с тех пор. Маленький Саша вырос и даже успел стать дедом. Сейчас он частенько рассказывал внукам о трудностях, которые когда-то ему довелось вынести, но не забывал и о радостных моментах в жизни. Например, как было весело, когда молодым парнем он осваивал целину с такими же полными энтузиазма и веры в лучшее будущее ребятами. Лиля и Митя внимательно выслушивали всё, что рассказывал дед, а затем начинались вопросы: «Откуда на шее у него такие глубокие шрамы?», «Какая на вкус «баланда»?» и «Что за наказания были, если подходил к немцу за едой с немойтой плоской?». Дедушка разъяснял: шрамы — от черяков, которые появлялись в антисанитарных лагерных условиях; за немойтую посудину от немца можно

было схлопотать плетью по рукам и остаться без еды, — отвратительной «баланды». Готовили её из брюквы и картофельных очистков. В теперешние времена лишь свиней таким кормят.

Дедушкины рассказы были чистой правдой, хотя и казались ребятам чем—то невероятно далёким и фантастическим, — тем, что с ними произойти уж точно никогда не может. Эти истории были как будто вырваны из военно-исторических или приключенческих романов, но только автор был не на обложке книги, а сидел напротив и, разглагольствуя, впечатывал свою историю жизни в совсем ещё юные головы Лили и Мити.

На дворе стоял июль. Дедушка Саша, как всегда, не изменяя своим ежедневным привычкам, пригубил с утра немного «беленькой», одел «выходные» брюки, чистую рубашку, и, выйдя на крыльцо, засунул ноги в старые, но любимые коричневые сандалии. В планах было съездить за хлебом и молоком. Он взял велосипед, припаркованный возле виноградника во дворе, и, было направился с ним к калитке, как вдруг почувствовал резкую жгучую боль в районе большого пальца правой ноги. Он облокотил велосипед обратно на виноградные заросли, быстро расстегнул и скинул сандалию, а затем стянул носок. На пальце отчётливо выделялась красная точка. В недоумении от того, кто же мог так больно его укусить, дедушка Саша поднял отброшенную на пару метров обувь и постучал ею по земле, — тут же в левую сторону от него устремился довольно крупного размера чёрный паук. Долго не раздумывая, деда Саша решил наказать обидчика, и быстро настигнув мерзавца, огрел как следует его той же сандалией. Паук поначалу как будто замер на месте, но спустя пару секунд проворно продолжил свой побег. Укушенный не ожидал такого поворота, — прихлопнул паука он сильно. В полном негодовании деда Саша настиг членистоногого снова и ещё два раза пристукнул того всё тем же орудием убийства. На этот раз мелкий мерзавец, скрючившись, замер на месте и больше не предпринимал попыток скрыться. Вывод был очевиден, — погиб смертью храбрых.

Дедушка Саша с выполненным чувством долга обулся, взгромоздился на велосипед и выехал за ворота. Хлеб уже был выпечен, корова подоена, и такая маленькая неприятность, как укус паука, не могла остановить «добытчика» перед намеченной целью.

В пол девятого утра Лиля проснулась от чьего—то бормотания в комнате. Она приоткрыла один зелёный глаз и сначала не поняла, что происходит.

— Л-и-и-л-я-я, деду плохо, — уже отчётливо услышала девочка, и тут же второй зелёный глаз открылся сам собой.

В полумраке зашторенной комнаты она разглядела развалившегося в измученном жизнью кресле деда.

«Всё, как всегда», — совсем не удивившись привычной картине, подумала Лиля.

— П-п-п-а-у-у-к, — послышалась со стороны кресла новая дедова реплика.

Если бы Лиля была кошкой, то её уши сейчас бы встали торчком и развернулись по направлению к креслу. Накануне летних каникул она проходила на уроках биологии всевозможных гадов, и все эти насекомые, членистоногие и пресмыкающиеся очень красочно отложились в её памяти.

— Деда, что за паук, какой паук? — Лиля почувствовала, как ладошки постепенно потеют, а сердце начинает биться быстрее.

— Укуси-и-и-и-л, когда за молоком ездил, — еле-еле отозвался дед.

— Где сейчас этот паук?

— Прибил, кажется, возле ворот во дворе.

Лиля быстро смекнула, что помощи ждать не от кого: за стенкой сидячая бабушка, мама на работе и вернётся в село только на выходных, брат — за несколько сотен километров гостит у отца. «Бежать звонить!». Лиля вскочила со своего диванного ложе, натянула шорты с майкой и пулей вылетела на улицу. Ближайший телефон у соседей через два дома.

— Тётя Ж-е-е-е-ня, дядя С-а-а-а-а-ша, — через три минуты Лиля уже громко выкрикивала имена своих соседей под их двором.

Соседка быстро показалась из-за зелёного забора:

— Лиля, что случилось?

— Дедушка! Его паук укусил, плохо ему очень, нужно в скорую звонить и маме на работу, —

скороговоркой протараторила Лиля.

Тетя Женя приказала не волноваться и побежала в дом вызывать медиков. Лиля во двор заходить не решилась, осталась за воротами, — боялась собаки. Она к своей то с трудом привыкала, а тут — чужая. Старенькая дворняжка, но чужая. Собаки с малого возраста не вызывали у Лили доверия.

Ждать долго не пришлось. На крыльце дома показался муж тётки Жени и сообщил, что скорая уже в пути.

Лиля опрометью бросилась домой. Она вбежала в открытую калитку, и тут взгляд остановился на небольшой чёрной точке. Лиля подошла поближе и опознала скрюченное чёрное тельце паука. Решив убедиться в том, что он действительно мёртв, она вооружилась виноградной лозой, поднесла её к пауку, как будто сделанному из проволоки, и боязливо ткнула в него веточкой. Отскочила назад на всякий пожарный случай, но не наблюдая никакой реакции с паучьей стороны, с облегчением выдохнула: «Какая мерзость! Гад, так тебе и надо!».

Дедушка находился на том же месте, весь в поту. Лицо покраснелось. Двигаться сил не было совсем.

— Деда, как чувствуешь себя? Скорая в пути, Метрушенковы вызвали. Всё в порядке будет, не волнуйся, — протараторила Лиля, и не дослушав, что ответит дед, побежала в комнату к бабушке.

Ни о чём не подозревая, бабушка Алина спала мирным сном младенца в неестественной позе мумии, решившей прилечь на бочок. Внучка начала осторожно тормошить бабулю, от чего та неожиданно вздрогнула и открыла глаза. Лиля, не дождавшись, пока бабушка придёт в себя, выложила всё происходящее как на духу за несколько секунд.

— Подними меня, — спокойным голосом скомандовала бабушка.

Лиля со знанием дела взялась под бабушкиными коленями и чуть-чуть приспустила её ноги с дивана, затем ухватилась за бабушкины плечи, поднатужилась и быстро усадила бабулю. Подложила по подушке под каждый бок, одну вставила между коленями и ещё одну — за спину.

— Что говоришь? — спросила бабушка.

Лиля пересказала всё, что произошло ещё раз. Немного призадумавшись, бабушка Алина беззаботно произнесла:

— Какие пауки, водка — это всё! Не просыхает же.

Лиле думалось иначе, но времени на то, чтобы это оспорить не было, и она вернулась в зал, где терпеливо ожидал помощи деда. Комнатное окно как раз выходило на общую дорогу, поэтому, подъехавшую карету скорой помощи Лиля заметила тотчас же.

— Скорая приехала, деда! — сорвавшись с места, внучка побежала встречать врачей.

Женщина и мужчина в белых халатах ожидали за воротами. Там уже столпились обеспокоенные соседи во главе с тёткой Женей и дядей Сашей. Дворовой сторож Мухтар неистово лаял. Лиля скинула резиновое кольцо с верхушки калитки, выполнявшее функцию крючка между калиткой и воротами и впустила врачей во двор.

— Девочка, отведи собаку, а то и цапнуть может, до крыльца спокойно достаёт, — дядя-врач застыл на месте, опасаясь проходить дальше.

Лиля попыталась переключить внимание собаки с чужих людей на себя, несколько раз прокричав: «Мухтар, ко мне!». Задача была заманить и закрыть его в гараже. Совсем скоро ей это удалось. Когда-то гараж выполнял своё прямое предназначение, и почётное место в нём занимал ярко-оранжевый «Москвич 412». Сегодня же, каждый раз, когда Лиля туда заходила, перед её глазами представало огромное количество инструментов, которыми был завален самодельный верстак, лари (какие-то с детскими игрушками, какие-то с комбикормом), доски, источенные шмелями-плотниками, мешки под картошку, ненужные вещи и обувь, банки с машинным маслом, запас стирального мыла и ещё множество всякой всячины.

«Придётся тебе, дружок, посидеть пока в здесь!», — обратилась она к Мухтару, плотно закрыв за ним дверь гаража.

Лиля увидела, как врачи ведут под руки дедушку к машине. Она кинулась в дом, чтобы собрать

кое-какие вещи на тот случай, если деда оставят в больнице. Потрепанная зубная щётка, полотенце (сдёрнуто с верёвки в ванной), рубашка (вытащена из платяного шкафа в комнате бабушки). Всё это полетело в большой пакет и затерялось на самом дне. Девочка так спешила, что ничего другого положить не додумалась. Ракетой она подлетела к машине, заведённый двигатель уже гудел. Лиля всунула через окно женщине-врачу, приготовленный для деда пакет. Она взяла его и попросила отойти, чтобы машина никого не задела.

Скорая с включенными мигалками быстро скрылась за поворотом улицы.

— Деда в райцентр повезли, твоя мама там обо всём позаботится, — сообщила тётя Женя, нежно положив руку на плечо Лили.

Через несколько часов мама примчалась в село с новостями. Оказалось, что тревога была не напрасной. Дедушку укусил каракурт, в народе носивший клеймо «чёрной вдовы». Очень опасный степной паук. В этот год в их регионе несколько человек скончались от его укусов.

Дедушка три дня, истекая потом, пролежал под капельницами. Яд удалось вывести, и вскоре он вернулся домой. Крепкое здоровье снова не подвело.

Эта история не была бы, наверное, такой интересной, если бы не одно интересное обстоятельство. Ровно за день до того, как деда укусил паук, Лиля наотрез отказалась остаться у папы и провести остаток лета у моря. Попросила маму отвезти её обратно в село к дедушке с бабушкой. Никак промысел Божий...

Ліна Лебеденко

Як важливо інколи поринути у спогади, бо десь там лишився найцінніший скарб під назвою – дитинство. На його ґрунті зростає теперішнє і майбутнє. Ціную час, поважаю друзів, насолоджуюся красою рідної природи. Вважаю, що у цьому справжнє людське щастя, яке завдяки натхненню перетворюється на поезію. Член Національної спілки письменників України з 2018 року. Член Міжнародного жіночого клубу духовного спілкування «Лада» з 2012 р.

ЗАПЛАКАНІ ВІКНА

Літній вечір. Дощовий літній вечір. По шибках стрімко течуть краплі одна за одною, ніби намагаються відмити щось важливе, приховане з роками на віконному склі. Вікна, що давно вже дивляться на вулицю, схожі на заплакані зморені очі.

Дощова вода тече в минуле так, як і усе, що встигло відбутися до цього літнього, але чомусь сумного вечора.

Вдивляючись в далечінь через заплакані шибки, Оксана подумки перемістилася в пережите.

Вона намагалася знайти той крок, який чомусь, можливо, був зроблений не вірно. Ні, це просто доля. Від долі, наданої вищими силами, чи вийде врятуватися? Ніхто не знає про те, що чекає попереду.

Найкраще пірнути в дитинство, схоже на море, у якому тільки хвилі, високі грайливі хвилі.

Гойдається на тих хвилях і не помічаєш нічого складного і неможливого: друзі, галас, гра в піжмурки... Знайдуть чи не знайдуть?

Ось воно, питання. Знайдуть чи не знайдуть тебе у цьому світі янголи щастя та радості?

Чи варто ховатися взагалі? У грі в піжмурки, можливо і краще знайти місце, де тебе ніхто не знайде.

А, в житті?

У Оксани склалося враження, ніби вона сховалася там, у далекому дитинстві, і досі не хоче покидати того затишного куточка, у якому поруч із нею жили янголи щастя.

Ніхто не знає, як вони виглядають насправді. Їх малюють, кому як заманеться, але Оксані здавалося, що ті янголи були дуже схожі на її татка.

- Таточку, чому ти залишився там, в дитинстві, і не пішов далі поруч зі мною в моє доросле життя? - Тихо промовила Оксана.

Плаче літній дощ. Плаче.

Оксанині очі вдивляються в далечінь, але сліз вже давно немає, бо виплакані вони всі до краплі.

Тільки спогади:

- Завтра, доню йдемо з тобою на полювання. Лягай раніше спати, бо дорога далека, треба щоб вистачило тобі сили.

Навіть не розуміючи, які труднощі очікують на дівчинку завтра, вона стрибала від радощів. Це ж вона завтра разом із татком піде в далекий похід. Разом із татком – значить усе буде добре!

Він – мисливець! Рушниця ще з вечора начищена, набої вони готували разом, песик Акбар тільки того і чекає, щоб скоріше побігти з господарем на прогулянку.

Зима. Яка сніжна, морозна зима! Такі зими були звичайнісінькими у Оксаниному дитинстві.

- Ой, та куди ж ти дитину з собою береш? - Заголосила бабуся. - Вона ж іще мала, усього сім рочків, який з неї мисливець?

- Нічого страшного, я ж поруч.

Татко дуже хотів, щоб у нього народився синочок, але доля послала йому двох донечок.

Старша була маминою улюбленицею, а молодша – «відірви та викинь», вся в татка, хлопчисько та й годі, тільки й того, що в спідничці. У свої сім років вона вже вміла стріляти з рушниці, звісно, що з татковою допомогою, але влучно та сміливо.

Вранці вирушили на полювання. Йшли на луки де живуть зайці, які щойно змінили колір своїх пухнастих шубок з сірого на білий, щоб бути непомітними на сніговій рівнині. Раптом Акбар рвонув у бік і стрімко побіг, перескакуючи через високі кучугури. Зупинившись, він почав голосно кликати господаря. Татко, взявши за руку доньку, швидко попрямував до того місця, куди його невпинно кликав його вірний пес. З під снігового намету зляканими очима на них дивився молодий зайчик, і чомусь не тікав. Тато взяв його на руки, і уважно оглянувши, помітив, що зайчик поранений. Забравши зайця, ми одразу вирушили додому.

А, снігу насипало в ту пору – ні пройти, ні проїхати. Оксана, знесилена далекою нелегкою дорогою ледве перелазила через кучугури. Тато ніс зайця, рушницю, речовий мішок, ще й вів собаку.

- Доню, допоможи мені, візьми Акбара, та дивись, щоб не втік.

Оксана вчепилася в повід, навіть гадки не маючи про те, що татко віддав їй собаку навмисне, щоб вона забула про свою втому. Вона тільки устигала перебирати ногами, бо цуцик, знаючи дорогу додому тяг її з усіх сил.

Бабуся сплеснула руками, побачивши «дівчинку-мисливця» і вигукнула стривожено:

- Боже милостивий, та на дитині жодного сухого місця немає, а мороз який!

- Нічого страшного, головне, що вона не встигла змерзнути, он як пара з неї йде, а щічки, наче буряком хтось натер, все буде добре.

Все обійшлося без хвороби, навіть і не чхнула ні разу.

Для пораненого зайця змайстрували клітку, в якій він жив, доки не одужав. Вже навесні віднесли ми нашого сіренького друга на те місце звідки взимку забрали пораненого. Відпустили його на волю, а потім декілька разів ходили його провідувати. Він упізнавав нас і підходив дуже близько.

Літній вечір чомусь все плаче і плаче. Немає ніякого бажання чимось займатися. Огорнувшись спогадами, наче теплою старенькою бабусиною шаллю, хочеться просто сидіти біля вікна і дивитися, як на мокрому склі впливають в паперових човниках з білими вітрилами дні безтурботного дитинства.

- Таточку, а ти зумієш змайструвати для мене справжнього лука зі стрілами, які потраплятимуть в ціль?

- Звісно зумію, але при одній домовленості: ніколи не можна цілити в людей чи тварин. Тільки в намальовану мішень!

Наступного дня у Оксани з'явився справжнісінький лук, а до нього ще й декілька стріл з металевими наконечниками.

Не дівчинка, а Робін Гуд в спідничці, та й годі. На хвiртці намалювали крейдою мішень і зачинили хвiртку на гачок. З третього пострілу все залагодилося і стріли жваво летіли одна за одною прямо в ціль.

Наступного дня мішені на хвiртці стало замало, та і не цікаво стріляти в одне й те ж саме місце. Татко пішов уранці на роботу, а Оксана довго тинялася по подвір'ю в пошуках пригод, і раптом її увагу привернула бабусина спідниця. Стріла, якимось зненацька вилетіла з лука і потрапила в оту привабливу бабусину спідницю, та гарно, що вона була дуже рясною. Стріла заплуталася в складках і не влучила в бабусю. Бабуся схопила ганчірку, щоб відпороти неслухняну онуку, але наздогнати не змогла.

Ввечері все розповіли татку. Лук негайно було конфісковано, згідно домовленості про правила безпеки, не звертаючи уваги на сльози та обіцянки. Ну що ж, що заробила – те й отримала.

Чимало траплялося у дитинстві різних пригод, лише самого дитинства було, як кіт наплакав.

Закінчилося воно одразу після того, як помер татко. Оксанці виповнилося на той час лише дев'ять років. Після його похорону дівчинка дуже хворіла. Вона не могла декілька днів піднятися з ліжка, нічого не їла, тільки плакала і потайки розмовляла з татком, бо їй здавалося, що він поряд і все чує.

Оце і було прощання з дитинством. Чого тільки не довелося їй пережити потім. Далі краще не згадувати.

В найскладніші часи Оксана завжди відчувала, що якась невидима сила допомагає долати труднощі. Звісно це був янгол щастя.

- Таточку, ти завжди поряд - думала вона всміхаючись.

Літній дощ вже виплакав нарешті усі сльози.

- Бабусю, ну де ти є, я тебе шукаю, давай змайструємо причепа до моєї нової машини, з картону, або з чогось іншого!

Оксана пригорнула онука, поцілувала свій маленький скарб і тихенько відповіла:

- Звісно, змайструємо.

Може, колись і вона стане для онука не тільки приємним спогадом, а справжнім охоронцем. Янголом щастя.

Анна Мороз

Родилась и живёт в г. Дружковка Донецкой области. Пишет стихи и прозу. Печаталась во многих литературных альманахах. Издала поэтические сборники: "Откровение", "Ветер в лицо", "Между злом и добром", "Перекрёстки", "Через расстояние и время". Сборник рассказов "Степень реальности" и романы: "В согласии с судьбой" и "Провинциальный калейдоскоп". Член Международного женского клуба духовного общения «Лада» с 2016 г.

ОХ УЖ ЭТОТ НОВЫЙ ГОД

Мой муж – единственный сын своих родителей. Всю жизнь за него всё делали папа и мама, а жили мы вместе с ними.

Казалось, что беззаботная жизнь мужа закончится с появлением у нас комнаты в коммунальной квартире. А ключи нам вручили ровно за месяц до Нового года. До нас в ней жила старушка. Прежде чем переезжать нужно было сделать в ней ремонт. Именно из-за, ремонта мы и поссорились, а вернее после сказанных мною слов:

— Ну что ты за мужик? Хоть бы гвоздь что ли вбил в доме.

Игорь надул губы, произнёс каскад грубых и грязных слов и ушёл к родителям.

Две недели я в гордом одиночестве «вылизывала», выдраивала, клеила, красила и наконец-то довела комнату до такого состояния, что можно было уже переезжать.

Приехала к родителям мужа, собрала вещи (муж в это время был на работе) и переехала в квартиру.

Через три дня, вечером, пришёл Игорь, мотивируя тем, что пропали его вещи и может быть я случайно их забрала.

Я хотела сказать ему всё, что я о нём думаю, но смолчала.

— Ну, и что молчишь? Обиделась? Я тоже обиделся, но пришёл же!

— Думаешь ты осчастливил меня своим приходом?

— Ты, наверное, забыла, что я твой муж? Язык распустила, волю почувствовала, да?

— Допустим. А сколько мне можно пресмыкаться перед тобой и твоей мамочкой?

Господь услышал мои молитвы!

— Ты, Вера, Бога не приплетай, сама захотела отдельно жить, теперь напрягайся.

— Да иди ты... домой короче.

— А я что не дома? Муж должен при жене быть или наоборот – это не важно!

— Да какой ты муж? Какой мужчина, если даже гвоздь вбить в стену не можешь!

— Так! Всё понятно, я уйду, а тебе пусть другие гвозди вбивают.

Игорь обулся и вышел из квартиры.

Нет, я не хотела разводиться потому, что любила мужа, но надо было его проучить. Надоело быть женщиной русского селенья, что и коня на скаку остановит и в горящую избу войдёт.

Игорь долго не приходил, и я уже стала волноваться, не переборщила ли со своим воспитанием?

Но он пришёл вечером 31 декабря с тортом, шампанским и цветами.

— Ну что, давай вместе Новый год встретим? – произнёс с порога.

— Давай, — ответила я.

Мы прошли в комнату, сели за журнальный столик. Муж внимательно рассматривал комнату.

— Молодец ты, Верка, такой уют создала, мне очень нравится.

— Ещё бы, столько вкалывала, чтоб и красиво было, и уютно. А ты в это время под маминой юбкой прятался,

— съязвила я.

— Скажи ещё, что даже гвоздь в комнате не вбил, допекла ты уже меня, достала! А кстати, кто это тебе помог люстру повесить, карниз... уже и замену мне, наверное, нашла?

Подошла я к мужу и такую звонкую пощёчину влепила, и расплакалась.

— У всех мужья, как мужья, а у меня одно недоразумение — дел никаких, только претензии, — сказала с обидой и отчаянием.

Игорь подскочил и вышел в коридор.

— Всё, уходит, — подумала я вслух. – В Новогоднюю ночь буду одна.

Но муж вошёл в комнату с сумкой, достал из неё увесистый молоток, здоровенный гвоздь и спросил:

— Куда?

— Что куда? – стушевалась я.

— Куда гвоздь вбить?

Я оглядела комнату и остановила взгляд на противоположной стене.

— Вот сюда, — указала пальцем. Для верности взяла карандаш и поставила на обоях жирную точку. Пусть забивает, подумала я, картину повешу. Нужно ещё сказать, что комната была в доме довоенной постройки, вместо кирпичных простенок между комнатами были драночные перегородки, то есть поштукатуренные тонкие деревянные решёточки, которые со временем перегнивали, а штукатурка обсыпалась.

Муж приставил гвоздь к метке на стене, размахнулся молотком и со всей дури ударил им по гвоздю. От стены отвалился большой кусок штукатурки, при чём с обеих сторон, поднялась пыль, а когда осела, мы увидели огромную дыру, за которой стояла симпатичная женщина, обмотанная гирляндой горящей разноцветными красками.

— Я не знала то сказать соседу и вообще, что делать такой ситуации.

— Я – Вера, глупо представилась я.

— Татьяна, — ответила соседка.

За моей спиной стоял Игорь и как-то блудливо улыбался.

— Игорь, — отрекомендовал себя мой муж. – Это я нечаянно стену проломил. Сейчас приду и всё отремонтирую. У вас, Танечка, цементик есть? А песочек? – певуче произнёс Игорь, а глаза его выдавали желание поближе познакомиться с женщиной. Вот кому он вбил бы гвоздик с удовольствием.

Он струсил с рубашки пыль, поправил галстук и направился в прихожую, я вышла за ним.

— Ты куда? – спросила я Игоря.

— К соседке! Куда ещё? Дыру заделать.

— А ну, марш обратно! Сначала у себя дыру заделай и мусор убери, а Танечка сама со своей стороны замажет, не велика цаца!

Муж хотел было что-то возразить, но взглянув в мои мечущие искры глаза, перечить не стал, лишь произнёс:

— Да я что? Просто помочь хотел.

— Эх ты, кобелина – не выдержала я. – Гвоздь вбить в стену нормально не можешь, а до женщин других охотник. Что уставился, иди мусор вынеси.

Пока муж выносил мусор, мы с Татьяной накрыли на стол, налили в фужеры шампанское. Когда вошел Игорь, часы отсчитывали последние секунды старого года, мы сели за стол и в этот момент прозвучал звонок в дверь, к ней кинулась соседка и вернулась с плечистым мужчиной.

— Это мой муж Алексей, — радостным голосом сказала Татьяна, он в командировке был, думала, что не успеет приехать.

— А я услышал голос твой, милая и бегом в эту квартиру, суетился Алексей, доставая свёртки с продуктами из сумки. – Да что это я, с Новым годом всех!

Никогда ещё в моей жизни не было такого счастливого, доброго и радостного праздника.

Я НИ ПРИ ЧЁМ

Работала у нас в цехе крановщица Ольга – хорошая, скромная, опрятная молодая женщина. Жила в общежитии с двумя детьми-двойняшками Машкой и Мишкой. Но почему-то в цехе её все обходили стороной и полусерьёзно за глаза называли ведьмачкой, а всё из-за того, что у неё, как по шучьему велению, что б не задумала – получалось.

Как-то вышло, что мы подружились, как же она радовалась. Готова была на всё ради дружбы. Молодая женщина до восемнадцати лет воспитывалась в детдоме. Там, понятно, были сложные условия и сложные взаимоотношения. Есть у неё муж или нет я так и не решилась спросить, не хотела сыпать соль на рану, да и ей самой не нравилось, если спрашивали о муже.

Однажды пригласила я Ольгу в гости. Наши дети пошли во двор кататься на санках с горки, а мы, уединившись на кухне пили чай с ватрушками и, конечно же, разоткровенничались. Тогда я и узнала о нелёгкой судьбе женщины.

Мама от неё отказалась ещё в роддоме. В детдоме не получилось, чтобы её удочерили, скорее всего из-за того, что девочкой была она болезненной. Там же подружилась с Олегом, полюбили друг друга, но, когда Ольга забеременела, Олег изменился, стал её избегать, а однажды сказал, что в свои восемнадцать ещё не готов стать мужем, а тем более отцом. Он уехал в столицу, там и затерялся.

Оля родила двойняшек и, когда ей предложили оставить детей в роддоме, ужаснулась, вспомнив своё детство, которого фактически и не было.

Ей выделили комнатку в общежитии, жила как могла на те деньги, которые получала на детей, а когда оформила Машку и Мишку в детсад, устроилась на завод учеником токаря. Когда ей присвоили разряд, она стала работать за двоих, чтобы её дети ни в чём не нуждались.

Однажды Оля узнала, что у крановщиков зарплата больше и работа полегче. Пошла к начальнику цеха с просьбой о переводе из токарей в ученики крановщиков. Все в цехе, услышав об этом, крутили пальцем у виска, мол взбрендила Ольга, где это видано, чтоб при отсутствии вакансии, прихоти исполнялись. Но уже через неделю Оля стала ученицей крановщицы. Что только не говорили об этом, но страсти улеглись, и женщина стала крановщицей. Да ещё какой! Освоила не только мостовой кран, но и козловой, была нарасхват, не отказывалась от работы ни в выходные дни, ни в праздничные.

В канун женского праздника 8-го марта в Доме культуры завода состоялось собрание, на котором женщин-передовиков поздравили ценными подарками, вручили грамоты. Поздравили и Ольгу, она так расчувствовалась, что даже заплакала.

За праздничным столом, когда все уже изрядно выпили, вдруг встал фрезеровщик Никита Жариков и заплетающимся языком произнёс:

— Ольга, а ты действительно ведьмачка, что не пожелаешь, всё у тебя каким-то образом получается. Расскажи нам свой секрет.

— Что ты мелешь? – вмешалась токарь-расточник Валентина Скобцева. – Если бы у неё была какая-то сила, не жила бы в общежитии, а хотя бы однокомнатную квартиру имела.

И что тут началось! Доводы, аргументы, все говорили одновременно, перебивая друг друга. А мы с Ольгой под этот шумок ушли.

Уже около её дома я спросила:

— А действительно, Оля, почему ты не добиваешься для себя и детей нормального жилья?

— Да, я могу, — ответила подруга, — но это будет уже слишком, я ведь и на очереди не стою.

— А ты всё равно попробуй, ведь под лежащий камень вода не бежит.

Через неделю в цехе Оля подошла ко мне и почему-то шёпотом сказала:

— А я записалась на приём к директору завода, хочу попросить квартиру. Пойдёшь со мной? Там и секрет мой узнаешь. Мы договорились.

В приёмный день директора подошли к кабинету и стали ждать свою очередь.

— Перепёлкина, — вызвала секретарь.

И мы с Ольгой вошли в кабинет директора осторожно и боязливо. Особенно я, так как от природы была человеком тихим и застенчивым.

— Что там у вас? – спросил Иван Михайлович.

Ольга немного замялась, а потом выпалила:

— Квартиру хочу, мне положено, я в детдоме воспитывалась. Она опустила стыдливо голову и поправила выдавший виды кардиган.

— Я за квартирой пришла, — повторила Оля. — У меня двое маленьких детей, мужа нет... Вот!

Иван Михайлович постучал карандашом по столу.

— А какая вы по очереди?

— Я не стою на очереди, но мне нужна квартира.

— Вы что, белены объелись? – спрашивали глаза директора, но вслух он сказал:

— У нас на очереди ветераны войны стоят, участники ликвидации аварии на Чернобыльской АС, многодетные... Им ещё получать и получать, а вы даже на очереди не стоите, о чём может идти речь?

— Ну как хотите, — произнесла обиженно Перпёлкина. Мы пойдём, только напоследок хочу вас предупредить. Я-то совсем ни при чём, а только... кто мне отказывает, у того неприятности в жизни образуются. Сначала мелкие, а потом крупные, вплоть до летального исхода.

Директор покраснел от наглости посетительницы, но вежливо сказал, обращаясь к секретарю:

— Пусть войдет следующий.

Мы не поняли и не знали, что произошло у Ивана Михайловича, какие жизненные неприятности, но через неделю позвонили начальнику цеха и попросили Перпёлкину к директору.

Вернулась в цех Ольга счастливой и жизнерадостной, показала мне ордер на квартиру и ключи от неё. И пусть эта квартира не в новом доме, разве это так важно?

В глазах подруги я не видела ни капли сомнения в том, что квартиру могли не дать.

— Осуждаешь меня? А что я попросила противозаконного? Квартиру? Это самое необходимое, что положено мне согласно Конституции.

Я была ошеломлена, а женщина очень просто пояснила:

— Знаешь, как к детдомовцам относятся? Не знаешь? Откуда тебе знать? А мы за место под солнцем разными способами боролись. В детдоме и не на такие уловки шли.

Наталья Алымова

Живет и работает в Харькове. Член Национального союза художников Украины. Писать начала в 90-е. Пишет стихи для взрослых и детей. Автор сборников: «Не грусти», «Дорога Домой», «Амнистия», «Меры»... Печатается в различных поэтических сборниках и альманахах.

АЛИСА И «ИНОГРАД»

Лежа в послеоперационной палате политравмы, Алиса вспоминала подробности случившегося с ней накануне. Пространство наносит удар человеку, если тот не справляется с внутренней агрессией. И о ней, и не о ней. Кости сокрушаются, когда борешься с Жизнью, которая всегда побеждает. Соппротивление ближе. Если не можешь принять относительно спокойной жизненной полосы, ситуация усложняется, и крайняя точка сопротивления совмещается с крайней точкой беспомощности. Рушится «каркас», а вместе с ним сыплется вся оправдательная база. Обходных путей к собственной совести не бывает. Это Совместная Весть. Почему Ангел не уберег ее? А, может, именно он все это и подстроил, судя по тому, как удачно сложились обстоятельства. Ей вспомнилась пара испуганных глаз, сбившего ее «снайпера». «Я могу чем-то помочь»? До чего похож на ее Никиту. Именно о нем были ее переживания. Сын жил в другом городе, у него решался вопрос с работой. Возможно, она в этот момент больше думала о материальной стороне жизни, чем о его душе. Акценты сместились – канал «засорился» и его прочистили.

Все произошло стремительно. И скорая приехала в течение десяти минут, и знакомый хирург только заступил на дежурство, и лучший специалист по ее случаю был на месте, и родители мальчика, сбившего ее, взяли на себя расходы по лечению и реабилитации, и брат подвез костыли, и отделение не перегружено. И... И... И... «Империя Ангелов» Вербера. Хорошо, что не навсегда. Она, вдруг, поняла, что совершенно не сопротивляется событию. Очевидно, подсознательно очень хотелось что-то в жизни изменить.

В послеоперационной палате рядом с ней мама и Илья. Два близких человека.

— Мам, наверное, поезжай домой. Вещи мои забери на пропускнике. Банка с вареньем, похоже, разбилась. Перепачкано абсолютно все. Видишь, до какой степени мне не хотелось твоих подарков. Все варенье на мне и вещах, а виноград на центральном проспекте города под колесами машин. Надеюсь, если ты в ответ услышишь «нет», больше не будешь брать человека измором?

— Хотелось бы, — сказала та, изучая аппарат на ноге дочери:

— Илья там с Борисом о чем-то говорят. Подожду, пойдем вместе.

Борис Левицкий был тем самым дежурным хирургом, благодаря которому воплотился лучший сценарий из возможных.

— Все хорошо, — сказал подошедший Илья. Жить будешь. Дней пять-семь полежишь – и на выписку. Я поехал. Буду утром.

Попрощавшись, близкие ушли. Сделав огромную аналитическую работу, Алиса начала прислушиваться к жизни палаты 224. «К Петлицыной», — услышала она незнакомый голос и удивилась. Она никого не ждала. В палату зашла приятная женщина, которую она видела у операционной. Ею оказалась мать «снайпера» по имени Слава двадцати лет отроду, обладателя фамилии Зирковий. Звездный мальчик. Теперь фраза «Петлицы ловят звезды» будет ею восприниматься совсем по-другому, так же, как и при произнесении фразы «Слава Богу», она будет добавлять: «Слава сделал Богу подарок. Вернул душу на путь истинный». Далее ряд ощущений: Белый Свет, несущийся на огромной скорости, удар и состояние беспомощности. Часть, познавшая Целое.

— Он только начинает жить. Простите его, — ох, как же хорошо она понимала эту женщину.

— Речь не об обидах. Сценарий спланирован. Мы – его участники, должны сделать выводы. Каждый свой. Ваш сын стал орудием в руках Судьбы. Каждый пройдет то, что должен.

— Мы Вас не оставим. Вот – на первое время. Анна положила в тумбочку круглую сумму, которой хватило на пару суток лечения.

— Если Вам понадобится мое письменное подтверждение – зовите нотариуса, подпишу. Мы с вами в одной связке, — женщина ушла, а Алиса почувствовала приятное тепло, окутавшее ее травмированную ногу. «Киборг», — улыбнулась она, глядя на металлический каркас. Работа с цифрами пошла автоматически. «Своих» она знала в лицо. Все, согласно купленным билетам. «8» Центр ее матрицы, номер ее палаты 224 (в сумме 8), «10» энергия матери, «13» энергия отца. Вселенная создана цифрами. Дальше — больше. Она вспомнила сон накануне происшествия, где посадила маленького Никиту (свои клеточные структуры), о котором были все ее мысли, на маршрутку 247, отправляя к Илье, когда та тронулась, она увидела номер 217. Запаниковала, хотела предупредить. Телефон не слушал ее. Вместо списка номеров картинка-заставки. Включив математика, она сложила цифры в сумму. $247 = 13$ и $217 = 10$. Это родительская энергия. Так род меня предупреждал о чем-то? Телефон издал характерную мелодию. Звонила мама:

— Привет. Представляешь, банка целая – крышку сорвало. Поэтому варенье разлилось. И лампочка целая. И ведро, в котором был виноград...

— Переход с сохранением физического тела, — констатировала дочь.

— Выключай свою муть. Отдохни от себя самой. Выздоровливай и мозгами тоже, — мама попрощалась.

Ей нужно было прийти в чувства после порции новой информации. Она благодарила Пространство за доверие. Душа ее ликовала отчасти и от того, что теперь ей начала открываться светлая, положительная часть случившегося. Ушло чувство вины и долга. По отношению к кому бы то ни было. Понимания пока не было, только ощущение легкости. Все, в чем обвинял ее ум, стало смешным и ненастоящим.

— Я Свободна! — произнесла она негромко.

— Я Светлана, — представилась соседка у окна, уточнив:

— У Вас ДТП?

— У меня виноградная авария. Несла от мамы ведро винограда. Никогда не делай то, чего не хочешь. А у Вас?

— Собирала виноград на абрикосе в мамином саду. Запел ее. Упала с пятиметровой высоты. Лестница ушла в землю. Ушиб позвоночника, голень болит, пятка разбита. Нужно выставлять. Ведро с виноградом так на ветке и осталось.

— Так мы с Вами Виноградные сестры? — улыбнулась Алиса.

— Что-то вроде того, — улыбнулась в ответ Светлана.

Женщины очень скоро узнали, что они одногодки, что Алиса когда-то работала там, где училась Светлана, примерно в одно время они приехали в Харьков из Крыма и Казахстана. Светлана грустно сказала:

— Мной никто не занимается. Мы поступили сегодня, тебя уже прооперировали. А мне светят здесь выходные. И неизвестно, что потом.

— Совет номер один. Не включай сравнительные характеристики. «А у тебя, а у него»... У нас у всех все по-разному. Каждый живет в своем индивидуальном времени. Поэтому и скорость временных потоков разная. Другой вопрос, как ее увеличить? Ответ: осознанием и исправлением.

— Тебе легко. Ты столько знаешь, — попыталась оправдаться соседка.

— Мне мои знания не помогли. Надеюсь наверстать упущенное. Здесь у всех один диагноз. Кости – привязка к материальному. Не важно, к чему именно. Когда думаешь не о душе, а теле, о комфорте.

— Любовь к материальному – это жадность? – почему-то спросила соседка.

— Возможно. Тебе не хочется делиться тем, чем дорожишь. Поток же действует по природному принципу, как материнское молоко. Чем больше отдаешь, тем больше прибывает.

— Если я экономный человек, разве это плохо? – снова оправдывалась Светлана.

— Давай спать, экономный человек. Ко мне послезавтра придут подруги. Послушаешь, о чем мы будем говорить. Надеюсь, на половину вопросов получишь ответы.

Они пожелали друг другу спокойной ночи. Правда, уснуть сразу им не удалось благодаря мобильной активности двух соседок напротив. Обе были лежачие и очень общительные. Алиса знала по себе, что история, повторяемая более десяти раз, звучит, как запись – слово в слово и с той же интонацией.

— Водитель говорит, что я была пьяна. Когда бы я успела напиться? Только вышла с работы. Летала в воздухе, как кукла... Да... Хорошо, что люди снимали. Подруга потом отыскала их и взяла записи. Алкотест не подтвердил... Перелом кости нижней части черепа, голова болталась, ушиб грудной клетки, разорвана рука, поломана нога... Платит, платит, но больше не хочет. Он юриста купил, — рассказывала свою историю девушка лет девятнадцати.

На какое-то время палата погрузилась в тишину. Сон начал разворачивать облако собственных

инструментов, приготовленных каждой из пациенток, первой из которых была недавно поступившая Алиса. Сон был недолгим, но крепким. В два часа она проснулась от разговора другой обитательницы палаты 224.

— Та да... Прырэвновал. Нэнормальный. Крыша совсем слетела. Заманил меня в дом. Сказал малой прыболел. Летала по комнате, как веник. Он поднимал и снова бросал. Малой все видел. Сейчас у мамы. Она его месяц у тетки прятала. Дурак, — женщина лет тридцати пяти с переломанными бедрами лежала обнаженная, что выглядело очень странно. Перебирая пальцами пряди волос на голове и, изгибаясь телом, насколько это было возможно, вела диалог по телефону.

«Мрак», — подумалось Алисе. Дальнейший ход мыслей она прекратила: «Не судите, да не судимы будете», сразу уснув. Было чуть более пяти, когда яркий свет ударил в глаза. Санитарка делала уборку палаты:

— Девочки, кому что надо – говорите. Сменяюсь и ухожу, — Светлана указала на ночное ведро, обеим лежачим поменяли памперсы. У Алисы стоял катетер, который обещали снять после утреннего обхода.

— Молодцы, — санитарка пыталась подбодрить пациенток.

К восьми утра пациенты начали подавать признаки жизни.

— Доброе утро, — сказала Светлана:

— Как прошла ночь? Уснуть удалось? Я почти не спала. Пыталась осознать, что со мной произошло.

— Я спала, может, потому, что осознала еще вчера. Девчонки придут – догребем.

— Ты сможешь мне?

— Скорее, подскажу. Мне больше нравится вариант: «Помоги себе сам». Сейчас приглашу тебя в группу саморазвития на фейсбуке и дам несколько тем прослушать. Важно, чтоб процессы запустились изнутри.

— Спасибо Богу, что он послал мне тебя, — Светлана смотрела на нее почти с обожанием. Алиса осадил соседку:

— Не присаживайся. Центр твоей Вселенной в тебе. Все ответы там.

Заживление ноги шло успешно, показатели были хорошими, ночь прошла без обезболивающего укола. После обхода сняли катетер, и было приобретено судно. Светлане наложили гипс на голеностоп, чтобы частично начать лечение. Сказали, что речь об операции пойдет с понедельника. Впереди выходные.

— Но, как же так? – недоумевала та.

— Тебе дается время на осознание. Ты должна настроить свой внутренний поток так, чтобы, когда твоя пятка столкнется со скальпелем хирурга, они сработали в унисон. Ты что-нибудь поняла? – Алиса посмотрела на Светлану.

— Я представила, — сказала соседка.

После обхода пришел Илья, вместе с продуктами выгрузив из рюкзака подарки: небольшой ночничок на батарейках в виде маленького будды, сидящего в лотосе с молитвенно сложенными руками и часы, где вместо циферблата инкрустированный значок инь-ян.

— Поговори с буддой. Может, он тебе что-то скажет, — предложил муж.

— Может, и скажет. А, может, лучше ты?

— Еще лучше, чтоб это поняла ты сама, — Илья хотел быстрее закрыть тему, переключившись на список препаратов и аптеку.

В палату вкатили еще одного члена «команды» — пожилую женщину с треснутой грудиной и ушибом сердца. Женщину звали Лидия. На нее упала металлическая лестница. Теперь у Алисы было две соседки. Справа Светлана, слева Лидия. Женщина была миниатюрной и очень воспитанной. Сморщенные пальцы рук украшал стильный маникюр. После ее появления было ощущение, что Пространство стало собраннее и внимательнее ко всем. По тому, как перед этой маленькой пожилой леди плясал ее лечащий хирург-араб, в воздухе ощущалось звучание гимна женственности.

— Спасибо, миленький. Слава Богу, роденькая. Да-да. Все к лучшему, — то и дело доносилось из некогда пустого угла. Поговорить она тоже была большой любительницей. Но разговор разговор рознь.

— Мне к Петлицыной, — услышала Алиса незнакомый мужской голос. Кто это мог быть?

— Здравствуйте, — совсем молодой человек с внушительным пакетом приблизился к ее кровати.

— Похоже, Славик? — Алиса из лежащего пациента стала сидящим.

— Да, — сказал тот, глядя на ее ногу в аппарате.

— Новый вид пирсинга, — прокомментировала та, попросив купить влажных салфеток.

— А мне можете две ампулы обезболивающего? – быстро сориентировалась Светлана.

— Да, конечно, — сказал молодой человек, тяжело выдохнув, и удалился.

— Это он? – спросила Лидия.

— Да. Мой «снайпер».

— Это Ваш крестник, — добавила она.

— Все может быть, — ответила Алиса, уйдя в себя.

Минут через десять молодой человек вернулся, сразу начав разгружать пакет со словами:

— Все домашнее. Поправляйтесь.

— Славик, очень бы хотелось, чтобы мы вынесли урок из этой ситуации. Есть теория трех предупреждений.

Первое – потеря денег. Второе – травмы, третье – неизлечимые болезни. Как правило, последнее. Ты только начинаешь жить. Желаю тебе запомнить этот случай. Как только захочешь импровизировать на дороге – вспоминай картинку с моей ногой, — улыбка сошла с милого юношеского личика, сделавшегося серьезным.

— Да, конечно, вот мама денежку передала, — он достал из кармана несколько купюр, положив их на тумбочку.

— Желаю тебе мудрости. Не обременяй себя общением. Я зла не держу. Мы оба — инструменты в руках Всевышнего.

— Спасибо Вам, — искренне сказал он.

— И тебе, — добавила она:

— Жду твою маму с нотариусом.

— Да. Я знаю. Выздоровливайте. Я еще зайду.

— Заметь, это ты сказал, — пошутила Алиса:

— Смотрю на тебя — вижу своего сына. С каждым может быть.

Палата затихла, внимая каждому слову «преступника и жертвы».

— По суду вы могли бы взять даже больше, чем они предлагают, еще за моральный ущерб, — сказал кто-то из девочек. С какого-то момента она перестала отождествлять фразы с теми, кто их произносил. Люди — не авторы, лишь проводники и каждый в какофонии звуков слышит лишь то, что ему нужно услышать здесь и сейчас. Послеобеденный быстрый сон сменился новым общением с Еленой и нотариусом. Пару подписей — и свобода.

— Не жалеешь? — спросил Некто через Светлану.

— О чем? О том, что мне в щадящем режиме помогли разрядить что-то очень древнее и не очень хорошее? Что ты, я счастлива. Жду папу. Сменю казенное белье на домашнее.

Отец Алисы, восьмидесятилетний полковник запаса, любил своих детей, но был очень мнительным. Будучи больше теоретиком, чем практиком, он с трудом выдерживал новые обстоятельства жизни дочери. Поэтому, быстро сменив постельное белье, удалился, так и не рискнув прийти еще. Алиса, понимая отца, не обижалась. В их возрасте обычно дети ухаживают за родителями.

Вечер трудного дня опустился на искалеченные тела и на не менее искалеченные души пациентов политравмы. После процедур в палате выключался свет, погрузив обитателей в состояние сна. Для кого-то это было переосмысление жизни, кто-то рассматривал варианты наказания обидчика, кто-то плакал от беспомощности. Общим у всех было одно – Жизнь бросила им вызов, они его приняли, оставшись в живых. Скорость же у каждой своя. Пробуждение было обычным — от включенного света и слов санитарки:

— Девочки, что кому нужно? Я сменяюсь.

На этот раз Алиса, быстро оседлавшая судно, виртуозно достала его из-под себя, подав санитарке со словами:

— Купыла мама конька, а коньк бэз ногы.

— Яка чудова играшка, — продолжила проснувшаяся Лидия.

— Гы-гы-гы-гы-гы-гы, — ответила санитарка, выдохнув:

— Ох, дивчата...

Алиса с аппетитом съела на завтрак больничной овсянки, ожидая Илью. В этот день он собирался прийти пораньше, узнав, что после обхода у жены будут друзья.

— Ну, что дорогой, — обратилась она к будде:

— Скажешь мне о чем-то? — с этими словами она потянулась к ночничку, чтобы его выключить. Фигурка, стоявшая на рулоне туалетной бумаги, упала и выкатилась на середину палаты.

«Встретил будду — убей будду», — произвольно вышли слова. Фраза говорила о том, что каждый человек – потенциальный будда. После чего она, в три прыжка доскакав до места падения, подняла фигурку, водрузив на Ступу в виде рулона туалетной бумаги. «И что-то о серединном пути», — подумалось ей, но вслух произносить она этого не стала.

— Я получила ответ, — повторила она фразу зашедшему через несколько минут Илье.

— Ну и хорошо. Главное – вполне в твоём духе. Лекарства тебе купят. Кому-нибудь что-нибудь нужно?

— спросил он у соседок Алисы.

Закипятив чайник и помыв желающим посуду, он попрощался и ушел. После обхода пришли подруги, группа поддержки Алисы. Общение было активным и беспощадным. Выслушав версию пострадавшей, Ольга, что постарше, сказала:

— Мне слишком хорошо знакома матрица Жадности. Мой дед и мой отец лишились ноги, накапливая, складывая, пряча от других. Кости — привязка к материальному.

— Возможно, я рассматривала ситуацию сына только со стороны благополучия? Будет обеспечен он — и нам будет хорошо. Не учитывала фактор предназначения души. Да, похоже. Главное, что мне стало легко и если это действительно жлобство, то оно с большим чувством юмора, — девочки засмеялись. Телефонный звонок прервал общение.

— Это Анна? Анна, это ты? — раздался незнакомый голос.

— Анной звали мою тетушку. Она оставила мне наследство, за которое мы купили квартиру. Подсознательно меня мучило чувство вины из-за того, что я ее не досматривала и особо ей не помогала. Я не смогла принять этот подарок. Ощущение, что сейчас отдаю долг. Аппарат Елизарова нас сблизил. Ей тянули кости. Первая мысль была о ней, когда увидела свою ногу. Именно Вина и Долг — горькая парочка заставили меня ехать к родителям за виноградом: «Как же? Мама же старалась, собирала его для меня». Что бывает с ногами, которые идут, куда не хочется? Прямо ЛИСА И ВИНОГРАД: Мне не достался виноград потому, что я его не хотела. Лучшая версия оправдательного ума. Все дело в винограде. На самом деле, растрчиваю себя неадекватно тому, что получаю взамен. Вчера зашла на Фейсбук. Он встретил меня фразой Пастернака: «Душу нельзя насиловать безнаказанно». Меня это включило. Мои насильники — чувство Вины и чувство Долга. В итоге садо-мазо. Позволила растащить себя по кускам. Свое нынешнее положение вижу в плюсе, — снова телефон издал характерную мелодию. Звонила Оксана из Львова — близкий друг:

— Как ты? У меня новость, возможно, это как-то тебя направит. Сергей всю ночь читал твой сборник рассказов «ИНОГРАД». Пока всю книгу не прочел, не лег спать. «Она заставляет людей задуматься», — так и сказал.

— Спасибо, родная. У меня девчонки. Только из Иерусалима вернулись. Разбираем мою ситуацию. Минусовку перешерстили, по ходу, пошел плюс. Перезарядка. ЛИСА И ВИНОГРАД трансформировались в АЛИСА И «ИНОГРАД». Перезвоню позже. Спасибо, — затем, изложив подругам суть разговора, добавила:

— Писать — мое лекарство. В «Инограде» герой переходит проспект по пешеходному переходу, как я днями, выходя в иное измерение. Вроде, все то и не то одновременно. Иноградцы — люди, читающие мысли. Все прозрачно. Стоит о ком-то подумать, человек тут же реагирует. Когда он понимает, что что-то не так, у него начинается паника, страхи, агрессия — загорается «красная лампочка». Подлетает трансформер, нечто среднее между машиной и вертолетом, герой попадает внутрь аппарата, будто, под гипнозом. Сознание возвращается к нему в закрытой зоне. Там чисто и комфортно, но он понимает, что с ним что-то не так.

— Алиса и «Иноград» — это ответ, — сказала, улыбаясь, Наталья — младшая из гостей:

— Я помню свои ощущения. После прочтения начала отслеживать свои мысли. Казалось, что за мной сейчас прилетят.

— Девочки, кому свежего борщика, — предложила разносчица обеда.

— Мне, — громко попросила Алиса:

— Почему бы не пообедать на халяву? — подмигнула она подругам, которые засобирались, почувствовав, что миссия выполнена. Лекарства куплены, дух поднят, осознание запущено. Обнявшись, они пожелали Алисе скорейшего выздоровления.

После обеда Светлана серьезно обратилась к соседке:

— Я могу поделиться своими мыслями по пятке?

— Можешь, конечно. Начни с того, что такое пятка, — Алиса пыталась направить мысли соседки.

— Не знаю. Опора? — предположила та.

— Тебе ни о чем не говорит имя Ахиллес? — включила Алиса училку.

— Да. Это его уязвимое место, — вспоминая мифологию, ответила Светлана.

— Ну? В чем твое уязвимое место? Чем тебя можно выбить, ввести в ступор. Самая главная твоя привязка, которую ты бережешь, как сокровище. Одно я увидела сразу — оно и мое тоже. Недовольство.

Все не так, как мне хотелось бы. Почему все не так? Ответ — наше местонахождение. Когда ты недоволен, обладая многим, тебя ограничивают, чтобы ты учился радоваться малому. Мы сюда пришли за радостью и умением благодарить.

— У меня сильное неприятие моей семейной ситуации. Мой муж отказался от родительского наследства — трехкомнатной квартиры в Киеве в пользу сестры-шизофренички. Еще перевез на дачу, где мы живем, свою 80-летнюю мать в полном маразме. Я не хочу рассказывать, что она творит. Там условия дачные, печь дровами топим, ее мыть постоянно приходится. В общем, я поставила условия — пусть разменивают квартиру. Приехала досматривать сюда свою маму. И что ты думаешь? У нее в прийомах квартирант Гоша. Переселенец из Азербайджана. Ты его видела. Двух слов связать не может. Кроме раздражения никаких эмоций. Недалекий. В общем, простота. А мама все время: «Гоша поел»? «Гоша тепло оделся»?

— Может, ревность? — перебила ее Алиса.

— Я не думала над этим, но когда упала с дерева, думала о том, как помочь ему найти квартиру. Накануне сказала, чтоб искал себе жилье.

— Теперь он остается у мамы? — не без юмора спросила собеседница.

— Да. Остается. Будет смотреть за нами двумя.

— У мамы аборт были? — не ожидая от себя такого вопроса, Алиса даже чуть смутилась. Услышав утвердительный ответ, произнесла более уверенно:

— Ты хотела маму лишить шанса вымолить свою душу. У тебя, как и у меня, ахиллесова пята — зона комфорта. Мы обе высокомерны, отсюда раздражительность. Жадность — это когда ты НОСИТЕЛЬ Живого Ада. Не важно, чего тебе жалко денег или винограда. Может, даже мамы, она же твоя.

В палате снова воцарилась тишина. Пространство, уставшее от претензий, агрессии, проклятий, отчаяния и безысходности, отдыхало, насыщаясь новыми энергиями.

— Никого никогда не нужно обвинять. Мы все здесь суть одно — обвинители. Состояние Живого Ада — это наше дискретное мышление, когда мы начинаем сравнивать, а потом разделять на «хорошо» и «плохо». На самом деле, каждый сам притягивает себе те или иные обстоятельства. Все по принципу подобия. Осуждение — это, когда ты Жизнь не празднуешь, а проживаешь ее в зале суда в качестве обвинителя с тем, кого обвиняешь.

— Неужели такой беспросвет? — грустно спросила Света.

— Но, почему же? Когда «сражаешься с Богом», получаешь травму. Это ответ. Он говорит о том, что тебя услышали. У кого-то Он коснулся бедра, у меня голени, у тебя пятки. Прими, как подарок. Если хочешь, конечно, ускорить процесс, — Алиса, проговаривая эти слова, вдруг, поняла, что видит лестницу в небо, по которой идет работа на двух встречных потоках — дающем и принимающем. Лестница совместилась с металлической конструкцией аппарата на ее ноге, и она ощутила эти два потока в себе. «Благодарю», — радовалась она своему озарению.

— Благодарю. Буду просвещаться дальше, — соседка вставила в уши наушники.

Воскресенье стало днем умиротворения. Для каждой из пациенток оно было своим. Самую юную и самую тяжелую, посетил, наконец, бой-френд Дима. Говорили они полупшепотом, было видно, что его все смущает, он часто выходил курить. Состояние психики его подружки было крайне нестабильным. Смех сменялся упреками, упреки лаской и нежностью, потом истерикой и снова нежностью со слезами беспомощности. Дежурным хирургом в этот день был Борис. После обхода Алису и Светлану перевели в открытое отделение для выздоравливающих. Илья пришел вовремя и помог с переездом в палату 217.

— Кто бы сомневался, — улыбнулась Алиса, вспомнив сон накануне ДТП.

— Но меня еще не прооперировали даже. Что мне делать в палате для выздоравливающих? — недоумевала Светлана.

— Послеоперационная палата, как бы, тоже не твой случай. Мне больше нравится слово «выздоровливающие».

Обосновавшись на новых местах, женщины стали знакомиться с соседями. Ими оказалась лежащая у окна молодая женщина неопределенного возраста, одна нога которой была на растяжке и девушка лет двадцати, сидящая напротив. Опираясь руками сзади себя, она внимательно изучала прищельцев. Обе ноги ее были в подвешенном состоянии с грузами. Первая из них оказалась в салоне машины, врезавшейся в

угол дома. У второй было падение с седьмого этажа при неудачной попытке закрыть окно.

— А мы Виноградные Сестры, представилась Алиса:

— У меня ДТП с ведром винограда, у Светланы падение с дерева, где она собирала виноград.

— Так у вас виноградная палата? – шутливо спросила санитарка, менявшая памперс женщине у окна:

— Летом была абрикосовая, в сентябре ореховая, потом будет велосипедная. За разговором ни о чем время летит быстро. Точнее, исчезает бесследно. Кто-то мечтает дожить до вечера и забыться, кому-то его катастрофически не хватает.

— Ухожу в ютуб, — Светлана снова вставила в уши наушники. Светильник здесь был у каждого свой, поэтому по согласию соседей можно было растянуть дневное время. К вечеру палату начал заполнять сигаретный дым. В горле запершило. Зашел Борис узнать, как дела.

— Все отлично, только палата, как курительная комната, — пожаловалась Алиса.

— Ну что ты хотела? В одной стране живем, — ответил он без тени юмора, разведя руками. Ответ был принят без возражений.

«Любовь к разговорам ни о чем — признак неосознанного отношения к Жизни, которая уходит безвозвратно. Время можно пропустить через сердце, можно выплюнуть через рот, можно проср...ть», — Алиса сделала запись в тетрадке, после чего забылась в глубоком сне.

Внутренняя работа Светланы дала плоды. Родня открыла свои объятия в лице тетушки, которая пообещала сделать все возможное со своей стороны, чтобы ситуация племянницы разрешилась. После утреннего обхода Свету перевели в палату на другой этаж и стали готовить к операции. На ее место прикатили Лидию из послеоперационной. Алиса не скрывала радости. В тетрадке появилась еще одна запись: «Как сильно объединяют людей трудности. Несколько дней, а ощущение, что год прослужили в одной части». Посещения родных из разряда праздника перешло в разряд будней. Каждый из посетителей выполнял обязанности санитарки: подай-принеси, помой-вынеси. Медперсонал забыл об их существовании, обслуживая более тяжелых больных. Система прекратила работать в прямом и переносном смысле. Удалось упросить санитарку поставить свечку пациентке у окна. Ее громкое кряхтение и тихий плач мешали остальным сосредоточиться и думать о хорошем.

— Где тут у тебя попа? – спросила склонившаяся над больной санитарка.

— Ой-ой, не там, — направляла ее та. Когда дело было сделано, вся палата ждала последствий, общих для всех. Сбросившись деньгами, женщины попросили родственницу, у которой было все под расчет, докупить памперсов, чтобы с запасом. Когда бедняга начинала дуться, присутствующие, словно лошади, раздували ноздри, сканируя воздух: «Пока ничего».

— У нас большое поступление. Шестьдесят человек. Мы не справляемся, — сказала медсестра ближе к вечеру, сместив время капельниц на четыре часа. Полуночные капельницы ставил дежурный медбрат – студент мединститута. Алиса пыталась не спать, и чем больше пыталась, тем больше понимала, что ее время пребывания здесь идет к неизбежному концу. За эти дни она научилась многому. За несколько секунд она могла «оседлать» судно и достать его из-под себя, не пролив ни капли. Проскакать по коридору на костылях в туалет и не растянуться на мокром кафеле. Стоя на одной ноге обезопасить крышку унитаза салфетками и по окончании процесса смыть и убрать следы присутствия. И, наконец, допрыгав до своей койки, почувствовать себя счастливым человеком. Счастливым и освобожденным. Потом она уснула. Ее разбудили в полночь, чтобы поставить последнюю капельницу в сезоне.

Утром сменившаяся санитарка предупредила, что она одна на два отделения и будет приходить только по вызову. Соседка у окна, от этих слов выдала первую порцию содержимого кишечника.

— Я покакала, — голосом невинного младенца сообщила женщина, повторив акт очищения еще три раза – по количеству купленных памперсов.

«Интересная судьба у анальной свечки – плавиться под воздействием окружения, провоцируя его на очищение и растворяясь в нем». Аналогии проводить ей не хотелось. В палату зашел доктор, курирующий палату, с помощником, чтобы уделить каждой из пациенток чуть больше времени. Когда очередь дошла до Алисы, та отрапортовала:

— Чувствую себя отлично. Не вижу смысла в дальнейшем пребывании, просто хочу домой. Выпишите

меня? — доктор, на удивление быстро, ответил:

— С удовольствием. Оформляем выписку под Вашу ответственность.

На обходе мантрой Освобождения прозвучали слова: «Петлицына на выписку». Осталось уточнить подробности. Вскоре ей принесли на подпись документ, сказав, что это происходит обычно после трех. Ее ждала еще одна формальность — встреча с адвокатом Зирковых, предложивших свою помощь при транспортировке ее домой. Пять часов пролетели, как один. Решения были приняты, бумаги подписаны. Пациентка доставлена к подъезду ставшего родным дома. Илья на плечах занес ее, поставив перед входом в квартиру, которую она покинула пять дней назад, ставших для нее Вечностью. Вошла она в прихожую на костылях довольно уверенно. Поблагодарив водителя, отца Елены Зирковой, супруги открыли новый сезон отношений, где обязанности плавно перетекали от одной к другому.

— Я диванно-компьютерная модель жены на трех ногах, — пошутила Алиса.

— Кстати, можешь компьютерное кресло использовать для передвижения, — предложил изобретательный муж. Жизнь начала налаживаться. Звонили друзья. Одни давали советы и рекомендации, другие просили номер банковской карты, третьи предлагали помощь. Были и желающие ускорить процесс выздоровления. Стимуляторы. Отговорка родилась сама:

— Сейчас я внутриутробный младенец. Срок вынашивания 130 суток. Дайте мне родиться. Я не хочу быть выкидышем. Появившись на Свет, я закричу так, что услышат все, кому нужно.

— Мама, я сделал выбор. Было непросто. С одной стороны, деньги, но я слишком хорошо знаю, что за ними стоит. С другой, правильно выстроенные приоритеты. Все для человека. Меня эта фирма потрясла сразу. Еще, когда спросили, согласен ли я с тем, что деньги = духовность? «Бирюзовые» — помнишь организации будущего? — Никита был в хорошем возбуждении духа.

— Почему так долго думал? — уточнила мать.

— Сам не знаю. Наверное, мозги опережали чувства. Что-то боролось внутри меня. Теперь все отлично. Завтра день принятия решения.

— Поздравляем! Верим, что оно будет лучшим, — Алиса была счастлива.

Как все просто и одновременно сложно. Хлопок Вселенских ладоней — и каждый осваивает новую сферу. Никита — новый коллектив с новыми ценностями. Возвышенно-отстраненный Илья — тонкости домашнего быта, Алиса, освобожденная от быта — внутреннее пространство, названное ею «Иноград». Нужно отвечать за сказанное, тем более, написанное. Ни она первая, ни она последняя.

Алла Мелегина

Живёт в г. Дружковке Донецкой области. Филолог. Дипломант VI Всеукраинского песенно-поэтического фестиваля «Город дружбы приглашает» 2013г. Печаталась в международном литературно-художественном журнале «Ренессанс», «Запев», «Живое пламя», «Рукопожатие», «Поэзии дружковской родники». Автор сборников «Наедине с природой», «На дальних тропинках», «Это всё родное». Член Международного женского клуба духовного общения «Лада» с 2016г.

ОНИ МЕНЯ НЕ УЗНАЛИ

Житейская история

Мы сидели за обеденным столом, украшенным букетиком полевых цветов, картофельными драниками, чашечкой со сметаной, кусочками хлеба и разложенными на большом блюде с розовой каёмочкой ломтиками спелого арбуза. Аппетит разыгрался сразу при виде этого лакомства. Но сидя за столом, я смотрела на хозяйку, у которой жила на квартире. Она улыбнулась и первая взяла кусочек хлеба и вилку. Вдруг мы услышали чьё-то жужжание.

— Муха, — сказала я таинственно вполголоса.

— Нет, это, кажись, своя, родная...

И не договорив, тётя Нюра посмотрела за белую занавеску окна, ярко освещённую солнцем.

— Как же это, Манечка, ты сюда попала? — волнуясь, певучим голосом спросила озабоченная тётя Нюра и, отложив вилку и хлеб, вытянула в направлении стекла указательный палец.

Почувствовав спасение, Манечка забралась на палец и успокоилась, а заботливая тётя Нюра, прикрыв ладонью другой руки спасённую пленницу, понесла её к порогу. Хотелось есть. Но как же без хозяйки? Голод боролся с моей воспитанностью, и я ждала хозяйку, которая очень хотела меня удивить дранниками, приготовленными по новому рецепту не только из картошки, но с добавлением мяса и чеснока.

Вернулась хозяйка и, довольная успехом, гордо отрапортовала:

— Спасла. Полетела родимая мёд добывать. Тут я догадалась, что спасена была пчела по кличке Манечка.

Мы продолжили едва начатую трапезу. Тётя Нюра о чём-то сосредоточенно думала. Прожевав кусочек дранника, густо смазанного сметаной, загадочно спросила:

— Оля, а хочешь, я тебя познакомлю со своими?

По обе стороны дома тёти Нюры жили её сёстры Мария Васильевна и Полюша, то есть Пелагея Васильевна. Первая была учительницей биологии сельской школы, пользовалась особым авторитетом, вторая — просто дояркой на ферме. И неудивительно, что её сельчане называли Полюшей. Только дети, обращаясь к ней, называли тётей Полей.

— Тётя Нюра, они мне хорошо знакомы, мы часто общаемся.

— Эка ты непонятливая, — услышала я голос с хитринкой.

Кстати, хочу заметить, что мою хозяйку все называли Анной Васильевной. Её муж, бывший директор школы, умер. Детей у них не было, а во мне, как она говорила всем, души не чаяла. Полюбила и напутствовала:

— Пусть у тебя будут две мамы. Ласковый телёночек двух маток сосёт.

Вот почему я называла её тётей Нюрой, а не Анной Васильевной.

Встав из-за стола и сказав, чтобы я ела одна, она вышла за дверь. Вскоре вернулась, держа в одной руке дымарь, в другой — шляпу с сеткой для лица.

— А теперь пойдём знакомиться с моими любимцами, — надевая на мою голову шляпу с сеткой, сказала Анна Васильевна.

На вопрос, почему она без шляпы, ответила, что её пчёлы отлично знают и не тронут.

Я шла за тётей Нюрой на расстоянии четырёх-пяти шагов. Меня-то пчёлы не знают.

Приблизившись к первому улью, она заговорила с любимцами. Всех знала по кличкам. Одних хвалила, других журила. Маня была прилежной, Машутка ей тоже ни в чём не уступала, ротозейка Марыся ленилась, Машенька отличный взятки принесла, Маняша во всём преуспевала, Мора была неповоротливой, медлительной.

Ей бы пример брать с Мани и Машутки. Разговорившись, одну из пчёл назвала Марьюшкой. В это время сестра чем-то была занята вблизи изгороди, отделяющей хозяйства. Но, услышав своё имя и посмотрев через изгородь, спросила:

— Нюр, ты что?

— Да, не тебя зову, я со своими балакаю.

— Ну-ну, смотри, добалакаешься, — усмехнулась сестра.

— Неужели она на самом деле пчёл различает? — подумала я и, оправдывая тётю Нюру, знающую всех пчёл, мысленно сказала сама себе:

— А как своих родных не знать? Конечно, знает.

В саду, где стояли ульи, скрипнула калитка, около неё остановилась Пелагея Васильевна.

— А я вам молочка принесла. Вот с медком и попьёте, на пользу будет парное. Тётя Нюра махнула рукой:

— Хорошо, но не до молока сейчас. Пчёлки — дети малые, им внимание нужно. Разговариваю с ними, не мешай, Полюша. Сестра поняла, что не до неё, недовольно потянула носом воздух, будто ей его не хватало, оставила на пороге банку с молоком и ушла.

— А ты, Оля, подходи ближе, не бойся. Вот видишь, как они меня любят. Одна пчела оказалась на носу хозяйки, две другие на её руке.

— Любят они меня, — повторила тётя Нюра и прибавила, — готовы целоваться. Но тут из руки её выпал дымарь, потому что она наступила на влажную деревянную дощечку и поскользнулась, взмахнув руками. Пчёлы, почувствовав в этом угрозу, кинулись на свою хозяйку, тётя Нюра ойкнула, а я опрометью вбежала в открытую дверь сарая, зазывая и тётю Нюру. Войдя следом за мной, она огорчённо опустила голову и вспомнила, что к ранкам надо приложить млечный сок одуванчиков, которые теперь она едва ли различит. Её глаза превратились в щёлочки.

Я решительно шагнула за дверь сарая в поиске одуванчиков. В шляпе с сеткой ничего не боялась ради спасения пострадавшей.

Вечером, улыбаясь и сдерживая смех, пришла Мария Васильевна. Пристально глядя на сестру, со смешинкой в голосе произнесла:

— Поцеловали они тебя, вижу, хорошо поцеловали, как Купидона, похитившего соты с мёдом. Тётя Нюра повернулась к сестре и в сердцах произнесла:

— Да, пойми же ты, они меня не узнали.

— А Ольгу не тронули почему? — не унималась сестра. И тут тётя Нюра призналась, что пчёлы не способны различать объект, расположенный дальше полутора метров. А ещё подумав, добавила:

— А всё-таки они, проказницы, меня, наверняка, не узнали.

ПРОСТЫЕ РАДОСТИ

Житейская история

1

Вот они наши перелески, пригорки, луга! Есть здесь чему изумляться. Сердце заденут — полонят его навсегда. Они вдвоём гуляли по лугу, дышали влажным покоем земли.

Расцвели луговые цветы: белая ромашка, фиолетовый шалфей, золотистый зверобой. У самой воды толпятся голубые незабудки, маленькие и любопытные. Смотришь на них, словно видишь их впервые и думаешь:

— Экое диво! Сколько красок! Век живи — не придумаешь лучше. Как природа изваяла искусно каждый лепесток в неповторимую форму!

Интересно. Вот цветок изогнул лебединую шею, как птица, готовая лететь. А другой вороном реет над ним. Явь и сказка, судьба и мечта.

Вьётся знакомая тропа. Возле неё у реки вскоре за солнцем просыпается цикорий. Ветер солнечным мёдом пропах. Забывается хмурое прошлое — ненастье дождливых дней. В мыслях рождается иное явление:

— Кончилось ненастье. Ночь. И в небе звёзды.

Нам поверить в счастье никогда не поздно.

— А не сходить ли нам сегодня на вечернюю рыбалку? Я соберу всё, что необходимо, — сказал он.

— С удовольствием, — ответила она. — Только научи.

— Научу, — пообещал он и начал рассказывать, какие бывают лески на удочках. Его рассказ — настоящий миф о польских удилищах и катушках, который вызывал у него возмущение:

— Интересно, а сами поляки видели хоть одно польское удилище или катушку?

А кто-нибудь видел? Я имею в виду удилище или катушку, сделанные в Польше. То есть «made in Poland».

Как только кому-нибудь в руки попадёт что-то подобное, пожалуйста, принесите и покажите его мне, я должен это видеть.

А пока что меня не покидают ощущения, что польских удилиц и катушек попросту не существует, а бывают

лишь китайские, про которые продавцы говорят, что они польские.

Она шла молча и улыбалась, ей было всё равно, что было польское или китайское, но радостно от того, что они идут рядом, держась за руки.

2

Солнце медленно падает за перелесок, обжигая берёзам бока. Вечерняя птица пролетает над закатной водой. Тяжёлые шапки дурмана клонятся книзу. Река не широкая с зелёным отливом воды. У берега поросль тростника, который будто бы топчется на краю берега и боится отходить от него глубже в воду. На небе видны облака. Они плывут медленно, вольно, безостановочно. И река течёт не торопливо, едва заметно. В ней воедино сплетены седые древние предания с живой историей здешних мест. Это сегодня мы можем саркастически улыбаться, когда речь заходит о духах природы, можем, со свойственной нам самоуверенностью, отрицать их существование. Мы, ослепленные иллюзией всезнания, полагаем, что покорили природу. Предки наши были много мудрее, не умом препарировали они мир, но внимали ему открытым сердцем. Природа - вот все, что было у них. Она давала им жизнь, еду и уют, она раскрывала им через малое великие тайны, тайны космического масштаба, она принимала их души, успокаивала тела, когда наступал час кончины. Удивительно ли, что видели они-то, что сегодня мы не видим, слышали то, что сегодня мы не слышим? Старинные предания сохранили это недоступное большинству из нас знание, знание, которое мы принимаем за красивый вымысел, за поэтичную сказку.

3

Лучший клёв на вечерней зорьке за пару часов до захода солнца и темноты.

Он усадил её на раскладной стульчик на берегу, но так, чтобы её ноги не касались сырости. Закинул леску в воду, заложив в пружинку смесь из макухи, яйца и хлеба. Белый поплавок лёг спокойно. Тогда «рыбачка» не догадывалась, что будет удить рыбу вьетнамкой, у которой был не один крючок, а три. Но хорошо знала, если поплавок задёргается или закружится, надо тянуть к себе удилище. Он расположился рядом с двумя обычными бамбуковыми удочками, нацепив на крючки червячков. Поплавки стали в рабочее положение.

Он и она молчали, ждали поклёвок. Когда поплавок шёл то ко дну, или ехали в сторону, а то выходили из воды, нужно было подсекать немедленно, и это он сначала делал сам. Потом приловчилась и она. Но всегда подводила рыбу к берегу и на леске выгружала на берег. Рыба была не велика. Если на удочку попадалась одна рыбка и редко, то на вьетнамку часто сразу две, а то и три рыбки. Казалось, восхищению не будет конца. Но скоро она устала, он продолжил удить сам, а она стала просто наслаждаться пейзажем, растворяясь в окружающих красках. Пленяла красота берегов, особенно в соединении воды с лесом. Природа словно совершает священнодействие, чувствуешь, что мир снисходит на тебя, душа становится восприимчивее ко всему и что ты преобразилась.

Берега реки разные: левый возвышенный и обрывистый, правый низменный. На воде появились две полосы. Тень и свет. Полоса тени шире. Она постепенно наползает на полосу закатного света. Смотришь, и становится страшновато. Но вот на низком берегу стали появляться костры. На том, лесном, тоже костры, но меньше.

Пора собираться домой.

4

Дома он вычистил всю рыбу. Здесь были небольшие карпы, краснопёрки и несколько щучек.

Потом он уступил ей место у газовой плиты.

— Это уже женское дело, — говорила она.

Пожарив рыбу, пригласила его на ужин. Он смотрел в её глаза, ласково улыбаясь и понимал, что есть простые радости в сложном мире. Их в достатке от тёплого хлеба до тёплых и верных дружеских рук. И счастье, и любовь, и сияние каждого дня – всё это их радости. И зависят они только от них.

Олег Бондарь

Родился в Харькове. Закончил Харьковский авиационный институт. Вице-президент Клуба Песенной Поэзии им.Ю.Визбора. Публиковался в журналах, альманахах, «Антология современной новеллистики и лирики на Украине 2007», сборниках. Автор книги «Все, що Батя розповів...». В соавторстве с Ольгой Бедой выпустил 10 сборников. Более 25-ти лет возглавляет литературное объединение «Третий цех».

* * *

Алмаз не затеряется в пыли...
Пыль не помеха бесконечной славе.
Заметить Вы, сударыня, могли –
Алмазы лучше смотрятся в оправе.

Желаю Вам и счастья, и любви!
Вся Ваша жизнь даёт на это право!
Дай Бог, чтоб отыскать всегда смогли
Себя в объятиях достойной Вас Оправы!

Девиз

Стареют рыцари... Увы...
Линяют их знамена.
Какая пицца для молвы –
Девиз не по сезону...

Конь захромал, копьё в костре,
Но не угасла вера.
Девиз мой, словно бес в ребре,
Всегда – **Dum spiro – spero!**

* * *

Есть ли смысл у пауз? Вне сомненья,
Если ты его постичь готов.
Пауз молчаливое прозреньё
Осеняет. И не надо слов...

Тишина порою звонкогласна.
Суть скорей в молчании дойдёт.
Пониманья мостик очень часто
Радугой над паузой встаёт...

Горечь жжёт. От мысли не отвлечься –
Вдруг меж нами встанет навсегда
Пауза длиною в бесконечность?
Пауза – дорога в никуда...

Память живет в пальцах

...начало лета...
...стая молодых стрижей
гонялась друг за дружкой...
...один зацепился за провода
и рухнул прямо к моим ногам...
...забился на земле...
.. большая такая пичуга...

...принёс домой,
... напоил водой,
устроил в ящик на балконе...
...стриж только вздрагивал всем телом...
...видимо, болевой шок не отпускал...
...утром стриж сам
стартовал с балкона...

...мы жили тогда над высоченным обрывом...
...перед нашим балконом был весь город...
...до сих пор помню,
как у меня в руках билось сердце птицы...
...нет, испуга в нём я не ощущал...
...только неукротимую жажду жизни
нёс в себе этот крылатый красавец...

...улетел стриж...
...а мои пальцы помнят трепет крыльев...
...жизнь развела дороги наши –
мою и моей Любимой...
...но пальцы помнят трепет её сердца...

... ушла мама...
... но в пальцах живёт
память о последнем рукопожатии...
... почему вы дрожите... пальцы мои?..
... понял ... вы всё помните...

З.С.Б.

Передо мной горит свеча,
Горит и тает...
И слезы янтарём
С подсвечника текут,
И образ над огнём
Таинственный витает:
Прищурю я глаза –
Виденья оживут.

Передо мной горит свеча,
Горит и тает...
Снежинок хоровод
Над мёрзлую землёй,
В дрожащем огоньке
Внезапно возникает
И трепетно живёт
Прекрасный образ твой.

Передо мной горит свеча,
Горит и тает...
Холодный ветер мне
Доносит дым с полей,
И в пламени свечи
Неслышно догорает
Надежды фитилёк,
Как нить судьбы моей.

Передо мной горит свеча,
Горит и тает...
Мгновения бегут,
И вот её уж нет,
Закрою я глаза,
Но нет, не исчезает,
Он лишь со мной умрёт
Моей надежды свет.

Память женских рук

У пальцев
женских
собственная память:
Объятия
любимых
сохранить...
Мгновенной
связи
трепетную нить...
И расставаний
тягостные
муки...
И я, стремясь
мгновения
продлить,
Целую
Ваши
ласковые руки,
В надежде
их в душе
своей таить...

Осень придет

Она придет... природа такова.
Без лишних охов, ахов, разговоров...
Придут успехи... зрелые слова...
И сентябри. Но пусть придут – нескоро...

Пока что – пей июней сладкий сок,
Вкушай хмельные прелести июлей,
Звон августов, стучащийся в висок,
Пусть утопает в страстном поцелуе...

А в сентябрях, прозрачных сентябрях,
Бездонной синью осени одетых,
Нам золотом подбитый страстный стяг
Еще не раз поднимет бабье лето!

Виктор Михайлов

Родился в Крыму. Школа. Феодосийский политехникум. Служба в армии. Художественные мастерские. Художественный фонд. Художник. Стихи пишу с юности. Издание в периодических сборниках. Улыбка божества над смехом Сатаны (трагедия в стихах, Харьков 2015).

Любовь как сон

Любовь, как сон,
Поёт с душою в унисон,
Желая в сердце вечно быть,
Способно в срок нас восхитить.

Брошенный атлас

Добровольной неволи никто не снимет.

Тебя память хранить не устала,
Мысль и чувство не бросить в костёр,
Помню, как нас любовь сотрясала,
Всё-то видит по-прежнему взор.

Чувств картины любви все упрямы,
Но не все я сейчас расскажу,
Не дойду до развязки вновь драмы,
Лишь начало любви пробужу.

Лишь поведаю сон любви мирен,
Когда был не лишён счастья сна,
Когда с девою был в любви мирен,
Когда ангел была мне она.

Когда духом ещё был ей близкий,
Взором грешно её всю ласкал,
Когда счастья молитвенной искрой
Наделить нас Эрот умолял.

Но в венце покидая, всё ж терний
Набросал, и за ними угас...
Оттого и порою вечерней,
Молча глажу мне брошен атлас.

Расплата

Ошибки в срок нам платят ровно,
Обманы, пища для невежд...
В любви иначе, всё условно,
Обман и тот не без надежд!

Да вот к примеру: без сомненья -
Влекусь из ссор опять умом,
Невольню полон возбужденья,
Служить рад вновь любви во всём.

Амур мне тешит голос в милой,
Черты ласкаю взором я...
Да только взгляд в ней, что ж остылый,
Зло всё пугает он меня!

Пора к любви б нам возвратиться -
В ней сердце хочет дать отчёт!
Над тем ли девице глумиться,
Кривить красивый стоит ль рот?

Пена морская

Всё сокрушающая сила — любовь.

Ах, я морская, ах, я живая,
Вся я живая волна в шелку.
С тебя я порчу весь страх снимаю,
И страх снимаю, к себе влеку.

Коснись меня ты своей ладонью,
Своей ладонью лишь тронь меня...
Смочи лицо ты, целуй как донью,
Целуй как донью, меня любя!

Сосредоточь лишь на мне вниманье,
Твёрд стань сознанием, весь справедлив;
И всё людское о мне преданье,
Ты примешь в сердце, им бережлив.

Не тронут будешь злой клеветою,
Пусть будет верен твой только путь!
Ещё тебе я с тем вслед открою:
В тебе вся совесть судьёю будь.

В ней только твёрд стань, весь благодравен
(Сказать забыла, то не смешно):
С тем станешь ты мне душою равен,
На веки будет всё то оно.

Жить будешь впредь ты, не тронут грязью,
Любви покорен, в прекрасном сне...
Навек со мною ты силой связую
Взят будешь впредь весь, спасён во мне.

Пост

Почему мне так сладко любить
И про то лишь с тобою шептаться,
Но от чувств темы нам уходить,
И давай прекращать целоваться!

Воздержанью приблизился срок,
Завтра к нам уже пост воротиться,
Своё счастье засунем в мешок,
Грех нам будет с тобой веселиться.

Полюбив твой серебряный смех,
Обручаться с предвечной разлукой,
Жить отныне без чудных утех,
Обниматься с отравленной скукой.

Россыпь страсти в груди не горит,
Дух любви в нас нарочно приглушен!
Пусть Амур зато нас не винит,
Воздух чувственный в пост будь остужен.

Всю любовь нам пора хоронить,
В пост она ведь большая обуза,
Порвать нужно чудесную нить,
Пусть без ласк и печальна нам муза.

Талисман

В простой оправе сердолик,
На пальчике сидит не туго,
Скалы обломок, был безлик,
Хранил красу в себе он грубо.

Он не прельщал и беглый взгляд,
Не каждый видел отраженье
В нём солнца явленный закат,
И жизнь в лучах его движенье.

Пустая он условность для людей,
Валялся, словно мусор под ногами!
Но для тебя, он без затей,
Весь озарится меж глупцами.

Оценка ли ему осла?
Ценить такому трудновато,
К красе нет зренья у глупца,
Иные ценят то ребята.

Величье кто его постиг,
Его тот полон отраженья,
Не станет портить тенью лик,
Как чернь, рождая униженья.

Им побеждён был твой герой,
Сияньем радостным охвачен,
Не знает он давно покой,
Красой приятной озадачен.

Плод станет он твоих и грёз,
Вести себя, как с кем, подскажет...
Избавит и от горьких слёз,
Когда навек с любимым свяжет.

Вдруг воспылав, но не дотла,
Тебе, как цель, он будь понятен,
Как Херувим лишённый зла,
Будь деве чувственной приятен.

Брезгливости он не сошлёт,
В нём новой жизни, верь, начало!
Ты, как дитя, взрасти тот плод,
Чтоб жизнь без пользы не увяла.

Ещё ты в нём найдёшь совет
Всему, что сердце пожелает;
Есть не один в нём тот секрет,
Сердечной хвори так же помогает.

Но не ищи на всё ответ,
В самом себе, как ты он тайный!
Чуть поверни лишь и на свет,
И всё поймёшь, дар не случайный.

Алексей Южневский

Живет в Харькове, работает врачом в отделении реанимации. Также одновременно является музыкантом. Играет на ударной установке. Стихи пишет с 1992 г., более осознанно стал писать начиная с 2010 г. Увлекается музыкой, литературой, спортом.

* * *

Осенним утром холодом повеет.
И вальс листву закружит неспеша.
Короче стали дни, а ночи все длиннее.
Морозный воздух хлещет щеки чуть дыша.
Ноябрь пришел – предвестник зимних оргий.
Метелей белых, зимних вьюг.
Душа опять наполнилась любовью.
И птицы улетели все на ЮГ.
Еще таятся Лета отголоски.
Видна ещё пожухлая трава.
И снег оставил на земле зимы полоски.
Напоминая Лету о его правах.
Деревья незаметно оголились.
Как будто укрываясь от жары.
И время вдруг на миг остановилось.
И осень оказалась вне игры.
А жизнь бежит, зима сменила лето.
И время незаметно утекло
Природа – это муза для поэта.
Души его прозрачное стекло.

* * *

Уходит день минувший безвозвратно.
Прожитый день – есть маленькая смерть.
Ему скажи спасибо троекратно.
Что б в памяти его запечатлеть.
И каждый день наш – эликсир небесный.
Проходят дни и надо дальше жить.
И наступает новый день чудесный.
Что б жизнь друзья нам снова подарить!

* * *

Бывает день прожитый просто так.
Он оставляет пищу для сомнения.
А, время мчится – вроде бы пустяк.
И убивает просто нас, без сожаления.
Как много дней ушедших в пустоту.
И лет что промотали понапрасну.

Не ценим мы простую доброту.
Что, в трудный миг является лекарством.
И счастье не способны ощутить,
всё ждём небесной манны как затмения!
И Миг, подаренный судьбой.
Теряем мы его в одно мгновение.
Мерило времени! – ты даришь миг любви.
И радость встреч, то горечь поражения.
Когда в душе холодные дожди.
Унынья грех и чёрное затмение!
Ах, сколько дней прожитых без любви.
И сколько лет ушедших безвозвратно.
Мы словом не зажгли в душе огни.
И ближнему не сделали приятно.
О, сколько дней потраченных зазря?
Они умчались вдаль как призрак ночи.
И если их убрать с календаря.
То станет наша жизнь еще на жизнь короче.

* * *

Пока Вам рады, набирайте номер чаще.
Пишите смс пока их ждут.
Из недр сердца из глубин душевной чащи.
Возьмите самый важный атрибут.
Звоните днём или глубокой ночью.
Порою жизнь непрочна словно нить.
Звоните сквозь обиды и невзгоды.
Звонок, набор, Алло! - и не с кем говорить.

* * *

Не думай плохо ни о ком.
Храни в себе Обет молчания.
Держи язык свой под замком.
В тяжёлый час и в миг отчаяния.
Не делай больно никому.
И яму не копай другому.
Открой лишь сердце для любви.
Твори добро и следуй слову.

Елена Бондарчук

Живет и работает в Харькове. Пишет стихи и прозу. Ее стихи — это «зарифмованные мысли», рефлексия на события собственной жизни и окружающего мира.

ОБИДА 2

Привет, мой дорогой Друг!

Помнишь? Давно, давно мы гуляли как-то по ночному городу.

Шел тихий снег.

Я все говорила и говорила, а Ты все слушал, слушал и молчал!

Может поэтому Мы сейчас так далеко Друг от Друга?

Может Мне нужно было слушать, а Тебе говорить?

«Для того, чтобы научиться разговаривать — сначала нужно научиться слушать»... это Я прочитала в какой-то книжке по развитию младенцев.

Совсем маленькие, Мы умеем это делать. А потом что с Нами случается?

Что мешает — закрыть рот и открыть уши?

Может защищаемся?

Может прячемся?

Может ленимся?

Может гордимся?

Может боимся?

Может хотим убить Себя или Другого?

Кто Нас знает?

Я сейчас учусь слушать... и это довольно забавный процесс. Какой только всячины наслушаешься. Сколько нового и неожиданного узнаешь о мире и о Себе ЛЮБИМОЙ!

Вот, к примеру! Несколько дней назад на работе случай случился.

Подробности опускаю. Бытовуха!

Он дал задание... Я сделала, а Он — «сволочь такая, сказал!!!!»

И пошло, поехало... словом — обидел, беду на меня хотел перевесить словами разными...

Знаешь, как назвал: «ВЫ — ОБРАДОВАННАЯ ДУРА!» — вот как!

Если бы Я сейчас не училась слушать, то последствия были бы плачевными, практически необратимыми.

Я Вслушалась... и услышала! Вслушайся и Ты еще разочек.

ВНИМАЙ со Мной: ОБРАДОВАННАЯ ДУРА.

Лучше комплемента для женщины нет!

За радостью сейчас многие за тридевять земель едут, да не всегда находят. А дураки?

Они ж у Нас всегда любимы!

И Я ЕМУ улыбнулась!

Задание потом поправила. А Он (тот, который «сволочь такая»), как-то странно на Меня теперь смотрит. Может Он взял Паузу, чтоб учиться говорить ДРУГИЕ слова?

Пока. Пойду слушать дальше... Интересно же!

Береги себя для себя и для меня!

Так хочу Тебя, любимый Мой, слушать и слышать.

Обещаю, готова (только чуть чуть...) помолчать рядом. Жду ТЕБЯ.

Виктор Лавров

Родился в 1947 году. Окончил Харьковский инженерно-строительный институт по специальности инженер-строитель промышленного и гражданского строительства. Работал на руководящих должностях в строительстве в Дружковке, Краматорске, Киеве и в Крыму. Очень любит юмор. Ушёл на пенсию – начал писать юмористические рассказы, миниатюры и стихи. Печатался в газете «Дружковский рабочий» и в ежегодном альманахе «Созвучие» г. Дружковка.

ПРОЩАЙ, ЛЮБИМАЯ!

Летний тёплый день. Ольга во дворе своего многоэтажного дома встретила знакомую соседку. Та как-то подозрительно смотрела на неё. Потом начала рассказывать.

— Ты извини, Ольга. Но... Представляешь, умерла конструктор из отдела главного конструктора машзавода, Вера Николаевна. Твой муж, Олег, позавчера присутствовал на похоронах. И вёл себя несколько неадекватно. Когда прощались с покойницей, он подошёл, поцеловал её мёртвую в лоб и в губы и долго-долго обнимал. Пока двое молодых людей вежливо не взяли его под руки и не оттащили от гроба. Как-то нехорошо! — заметила соседка. — Женатый мужчина, дети. А ведёт себя неподобающе...

Ольгу как будто обожгло. Она знала, что Вера была любовницей мужа. Она её ненавидела лютой ненавистью, потому что любила Олега. При упоминании её имени Ольга вспыхивала, как спичка!

И вот теперь оказывается Вера умерла. Но облегчения в душе не наступило.

Ольга поняла наконец, почему муж два дня ничего не ел. Ходил очень расстроенный и хмурый. На вопросы не отвечал.

В висках билась одна мысль: "Надо его срочно увидеть! Где он сейчас?!"

Она начала звонить ему на работу. Он был заместителем главного конструктора. Но ей сказали, что Олега уже два дня как нет на работе. На звонки не отвечает. И вообще не хотели говорить на эту тему.

Позвонила Олегу. Вызов пошёл, но он не включал трубку.

Подумав, она догадалась, где его можно найти. Собралась и поехала на кладбище.

Соседка приблизительно рассказала, где находится могила Веры.

Ольга нашла могилу и мужа. Он сидел на лавочке и смотрел на могилу, заставленную венками и усыпанную цветами. На могиле временно был поставлен деревянный крест. В руках Олег держал бутылку коньяка. Вид у него был очень грустный.

Ольга подошла к нему и села рядом.

— Привет! — сказала Ольга.

— Привет! — ответил он, взглянув на неё. В его глазах была тоска.

— Можно задать тебе один единственный вопрос? — тихо спросила она. — Если ты её так любишь, почему не ушёл от меня?!

— Я тебя тоже люблю! — тихо ответил он. — Можешь уже не ревновать и не переживать. Её больше нет! Она больше не сделает тебе ничего плохого...

— Как не ревновать! Как не переживать! — вспыхнула Ольга. — Ведь ты по-прежнему любишь её! Помолчали.

— Ты два дня ничего не ел. — сказала она. — Я принесла тебе поесть. Вот, возьми перекуси...

— Я не хочу! — махнул он рукой.

Вечерело. Начало темнеть. А муж и жена ещё долго сидели на лавочке возле могилы любовницы мужа и о чём-то разговаривали друг с другом...

Алина Исаева

Живет в г. Дружковка Донецкой области. Учится гимназии «Интеллект». Любит литературу и музыку. Пишет трогательные рассказы для детей.

ОТКУДА БЕРЕТСЯ МОЛОКО

Когда Аленка была маленькой, никогда не задумывалась откуда берется молоко на прилавках магазинов или на рынке. Она с удовольствием пила этот напиток, очень вкусный и полезный. Любила еще манную кашу с желтой пенкой сверху и ряженку, приготовленную мамой в духовке с золотистой корочкой.

Однажды она с мамой поехала к маминой сестре, которая жила в поселке городского типа, в Полтавской области. Тетя Надя работала на ферме и в один из дней взяла Аленку с собой. На ферме девочка увидела много коров, они стояли каждая на своём месте, называемое стойлом. Перед ними были сооружены кормушки, в которых лежала зеленая трава. Коровы жевали траву и любопытно разглядывали девочку.

Тетя Надя надела на вымя коровам присоски и через время по прозрачным трубам потекло молоко. Там впервые девочка попробовала парное молоко и поблагодарила коров за него, погладив каждую своей маленькой ручкой по лбу.

К ним подошла очень молодая девушка Верка (так называла ее тетя) улыбаясь спросила, что за помощница рядом с тетей Надей и предложила Аленке посмотреть на телят.

При виде мини коровок девочка была в восторге. Глаза ее горелли, ласковые слова неконтролируемо слетали с губ. Ей хотелось погладить и обнять каждого теленка.

— Вот бы мне домой одного, — сказала Аленка, — я бы его кормила, поила, любила. Мне бы все подружки завидовали.

Верка смеялась, подзадоривая девочку и разрешала кормить малышкой с руки.

Вдруг Аленка увидела у каждого теленка на одном ухе большую сережку.

— Что это? — спросила она у девушки.

— Каждая корова становится когда-нибудь мамой и всем новорожденным телятам одевают на ухо сережку-бирку. На ней написана дата рождения и номер теленка.

На ферме Аленке очень-очень понравилось. Теперь она узнала откуда берется молоко и как оно попадает на прилавки магазинов и рынков. Она приедет домой и обязательно расскажет своим подругам о ферме и о молоке. Пусть и они узнают тайну происхождения их любимого напитка.

Ольга Ерофеева

Монументалист, живописец, график.
Живёт в Харькове. Член Национального Союза Художников Украины. Заслуженный художник Украины. Участник международных, всеукраинских и областных выставок. Лауреат премии им. И.Е. Репина. Награждена Почётным отличием Харьковского областного совета "Слобожанская слава". Харьковчанин года 2009. Лауреат творческой премии городского совета 2005 г. Лауреат биенале "Пан Украина" 1995 г. Картины находятся в частных коллекциях Украины, России, Германии, Швейцарии, Бельгии, США, Ирландии.

«Семья художника»
Холст/масло, 65x80, 2006

«Сиреневый цветок»
холст/масло, 65x45, 2019

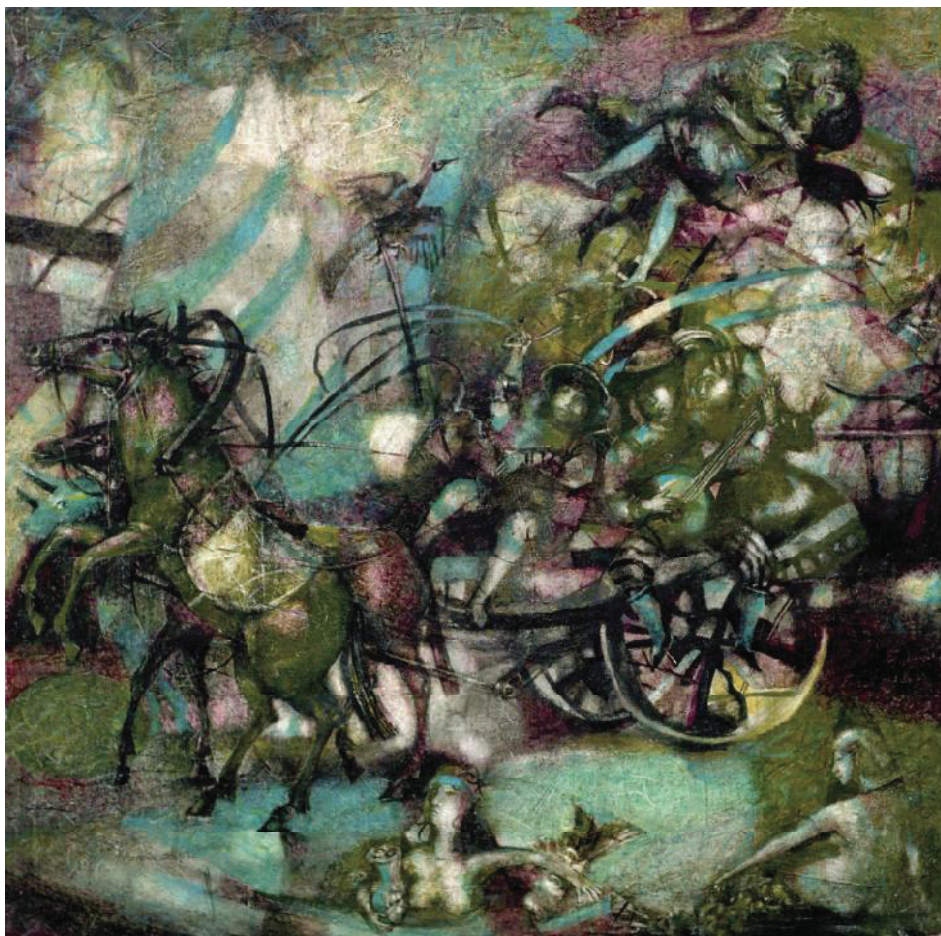
«Швея»
бумага/пастель, 60x50, 2006

«Художница» бумага/пастель, 51x35, 1998

«Модница» бумага/пастель, 1999

«Сорочинские музыканты» холст/темпера, 65x65. 1995

Содержание

Президент клуба Анна Абрамова	3
ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «Я СЕРДЦЕ ОТДАЮ ЛЮБВИ...»	
Беда Ольга	4
Журавель Валентина	6
Манжос Николай	7
Зачепа Владимир	8
Фоменко Владимир	9
Гутник Елена	10
Воротняк Микола	11
Дорофеев Сергей	12
Степанов Валерий	13
ПОЭЗИЯ – ДУШИ МОЕЙ ОБИТЕЛЬ	
Андрус Ольга	14
Белоус Валерия	16
Французова Лариса	18
Пашкова Галина	20
Гусак Богдана	22
Булахова Ирина	24
Медуха Лариса	26
Красношапка Леонтина	27
Иванова Надежда	28
Акимова Надежда	29
ЮНОСТЬЮ ТРЕПЕЩУЩИЕ СТРОКИ	
Михайлова Виктория	30
СЛОВОМ, ОБРАЩАЯСЬ К ЧЕЛОВЕКУ	
Лебеденко Нина	36
Мороз Анна	39
Алымова Наталья	42
Телегина Лия	50
ГОСТИ КЛУБА	
Бондарь Олег	53
Михайлов Виктор	55
Юхновский Алексей	57
Бондарчук Елена	58
Лавров Виктор.....	59
ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА	
Исаева Амина	60
КИСТЬ ХУДОЖНИКА	
Ерофеева Ольга	61

Літературно-художнє видання

Я - жєнщина

Альманах
Випуск тринадцятий
(російською та українською мовами)

Відповідальна за випуск А. Абрамова
Редактура та коректура авторська
Дизайн обкладинки Г. Разумовська
Фото О. Бондарь

Підписано до друку 31.01.2020. Формат 60x84 1/8
Папір офсетний №1. Гарнітура PeterburgСТТ. Друк ofisprint.
Ум. друк. арк. 6,25.
Наклад 500 прим.

Видавець МАЧУЛІН Л.І.
Свідоцтво: серія ХК №125 від 24 листопада 2004 р.
61057, м. Харків, вул. Римарська, б.17, оф.14.
Тел./факс (068) 886-52-57
editor2016@ukr.net